

Б И Б Л И О Т Е К А

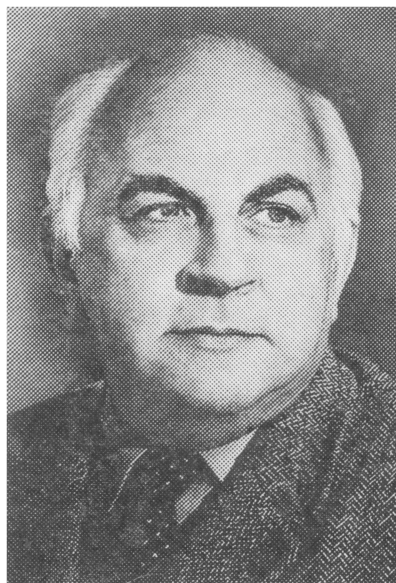
ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 31

1985



Михаил САГАТЕЛЯН

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В ИМПЕРИАЛИЗМ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 31

Михаил САГАТЕЛЯН

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИМПЕРИАЛИЗМ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Михаил САГАТЕЛЯН

Михаил Рачьянович Сагатеян, писатель и журналист-международник, родился в Саратове в 1927 году. В 1944—1945 годах служил в Военно-Морском Флоте. Окончил Московский государственный институт международных отношений и с 1950 года работает в советской печати.

В качестве корреспондента ТАСС, газеты «Известия» побывал во многих странах Европы, Азии, Америки. С 1959 по 1965 год работал корреспондентом ТАСС в Вашингтоне. С тех пор в его творчестве преобладает американская тема.

Михаил Сагатеян — автор ряда книг, в том числе широко известной у нас и за рубежом работы «Кто же убил Джона Кеннеди?». Его перу принадлежат сценарии многосерийных художественных телефильмов «Вашингтонский корреспондент», «Диалог», рассказы «Стук в дверь», «Вечерняя жизнь», очерки и памфлеты. В «Путешествии в империализм» он остается верен своей основной теме.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИМПЕРИАЛИЗМ

Все мы знаем, как тесно на страницах наших газет. Поэтому на них попадает только самое важное. То, без чего уж никак нельзя обойтись. Все остальное у нашей пишущей братии до поры до времени оседает в рабочих блокнотах или, что гораздо хуже (если ленишься записывать), просто какое-то время держится в памяти.

Очередь до старых, еще корреспондентских блокнотов и самых дальних уголков памяти, как правило, доходит только тогда, когда начинаешь вести оседлый образ жизни, что, по-моему, позволяет точнее и глубже осмыслить пережитое, все, чему сам был свидетелем.

Такая возможность наконец-то появилась и у автора. Хоча надеяться, что эти наблюдения за бурной американской жизнью последних десятилетий могут стать полезными читателям в их собственных раздумьях над сегодняшней американской действительностью.

Как сказано у Шекспира, прошлое — пролог.

* * *

Администрацию Рейгана чуть ли не с первого дня ее прихода к власти в самой Америке и в Европе начали ругать, что называется, взахлеб. Ругать если не последними, то наверняка уж предпоследними словами. Вспомним, как в 1982 году публично высказывались крупнейшие государственные деятели капиталистического мира, бывшие и действующие, как критиковали они внутреннюю и особенно внешнюю политику нынешней администрации.

Вот лишь несколько имен участников этого вселенского стона и плача у стен вашингтонских: бывшие президенты США Никсон, Форд, Картер, бывшие государственные секретари Дин Раск, Сайрус Вэнс и Эдмунд Маски, бывшие министры обороны США Роберт Макнамара, Кларк Клиффорд и Гарольд Браун, бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, премьер-министр Англии М. Тэтчер, итальянские министры и, наконец, министр внешних сношений Франции Клод Шейсон, чья реплика в адрес рейгановской администрации наиболее

ярко показывала степень накала страстей. Вот она: «Говорят, что мы должны с американцами обедать, с ними же ужинать, а затем отправляться (тоже с ними) в кровать. Однако всему есть предел, и предел этот близится... Они нас совсем не слушают. Они отгородились от нас стеной собственных аргументов».

И, как бы подтверждая справедливость слов г-на Шейсона, один из старших советников президента Рейгана сказал «о европейцах» буквально следующее: «Мы имеем дело с группой избалованных детей». Видите, как, оказывается, все просто!

Даже архибуржуазнейшие заокеанские газеты писали такое: «Америка Рейгана вполне готова заявить, что она намерена прислушиваться только к своему собственному барабанщику, послав к чертям остальной мир».

Быть может, последние оценки — всего лишь дань неизбывной привычке американских джентльменов пера и телеэкрана заведомо драматизировать события в извечной своей погоне за вниманием и доверием читателя и зрителя? Осенью 1982 года министр обороны США Каспар Уайнбергер находился с визитом в Лондоне. Тамошние журналисты спросили его: наверное, Белый дом все-таки неправильно оценил вероятную реакцию Англии и других западноевропейских стран на торговые санкции, которые рейгановская администрация наложила тогда на фирмы, поставлявшие оборудование для газопровода «СССР — Западная Европа»?

Но Каспар Уайнбергер (прозванный американской прессой «Кэп-нож») с размаху поволоснул в ответ: «Я лично не был удивлен. Думаю, что и президент тоже не был удивлен. Широко известно, что в Европе будет выражено разочарование, и оно действительно было выражено». Иначе говоря, плевать-то нам с президентом на мнение каких-то там европейцев. Пусть наконец перестанут вести себя, как капризные, избалованные дети!

Чего же добивается рейгановская администрация? 20 января 1973 года республиканец Ричард Никсон, вступая в должность президента на второй срок, говорил:

«...Мы должны хорошо понять новый характер роли Америки в результате новой политики, к которой мы перешли на протяжении минувших четырех лет.

Мы будем уважать наши договорные обязательства...

Мы будем и впредь в эту эру переговоров добиваться ограничения ядерных вооружений и уменьшения опасности столкновения между великими державами...

Прошло то время, когда Америка превращала конфликты всех других стран в свои собственные, брала на себя ответственность за будущее всех прочих стран и считала своим долгом указывать народам других стран, как решать их проблемы...»

И, как бы не удвоившись вышесказанным, Ричард Никсон

пояснил: «Настала пора отказаться от снисходительной политики отеческого попечения — политики по принципу «Вашингтон знает лучше».

Нет, не прошло, оказывается, то время! Вашингтон снова вознамерился поучать весь остальной мир, позабыв, какие синяки и шишки получала страна в прошлом от такого намерения.

Вот он, основополагающий принцип внешней политики Рейгана: «Нет такого района в мире, на который не распространялись бы интересы Америки, и Соединенные Штаты должны обладать достаточной мощью, чтобы справиться с применением силы любых масштабов повсюду в мире». Эта сентенция была выдвинута нынешним президентом еще во время предвыборной кампании 1980 года. Тем самым президент дал понять всему миру, что возвращается к активному вильсонизму в политике — теории, выдвинутой еще в конце первой мировой войны президентом Вудро Вильсоном. «Любая другая страна, — говорил в те годы Вильсон, — придерживается известных канонов, корни которых тянутся ко всей ее сложной древней истории. У нас ничего подобного нет. Мы знаем, что думают все остальные народы, и в то же время, с помощью своей тонкой алхимии, включаем их мировоззрение в американский план, используя его для достижения американских целей».

Короче говоря, «Вашингтон знает лучше»!

В ходе своих поездок в Западную Европу тот же Рональд Рейган уговаривал союзников по НАТО: «Давайте же перестанем колебаться, давайте воспользуемся нашей мощью». На встрече с лидерами европейских стран НАТО в Версале Рейган, как рассказывают очевидцы, сказал: «Если мы толкнем русских, они рухнут». Так сам президент расшифровал смысл реплики, брошенной еще в самом начале его президентства бывшим государственным секретарем США А. Хейгом о том, что «есть вещи поважнее мира».

Вот вам и вся «тонкая алхимия» рейгановской администрации.

И вот здесь пришла пора поставить вопросы, ради ответа на которые автор и решил затеять это путешествие. В чем корни политики нынешней американской администрации? Какую роль играют в ней объективные и субъективные факторы? Каковы ее сегодняшние результаты?

В общем, предлагаю заглянуть в глубокие тылы и дремучие заросли цитадели современного империализма. Туда, куда, как правило, не достают столь яркие с виду прожектора так называемой большой прессы Соединенных Штатов.

Тыл ведь и называется тылом потому, что попасть туда можно, только если сумеешь прорваться сквозь линию фронта.

Заранее прошу читателей запастись терпением: немедленно снабдить их разгадкой — отмычкой, с помощью которой все быстренько станет ясно, я не смогу. Не тот случай.

А теперь в путь!

Остановка первая. Драка в субботний вечер

...Американцы народ остроумный и умеют не меньше нас ценить шутки, веселые истории и анекдоты. Не лишены этих качеств, разумеется, и американские журналисты. Больше того, тамошняя пишущая братия, как говаривали у нас в старину, «вельми горазда» и в пересказах и в сочинении острых анекдотцев, словечек и метких прозвищ.

В цокольном этаже здания Национального клуба печати в Вашингтоне есть магазин того типа, которые у нас называются «Канцпринадлежности». Одна из секций в нем целиком отведена для забавных поздравительных открыток, типографски отпечатанных и злобой дня. Тематика определяется спросом и злобой дня. Можно, например, купить в подарок подходящей супружеской паре из числа ваших знакомых такой, одетый в легкую изящную рамочку (чтобы сразу повесить) семейный афоризм: «Всеми моими успехами я обязан своей жене, которая неизменно твердит, что я не прав». Вот еще на ту же тему: «Хочу дуру!» (На открытке мелким шрифтом инструкция по применению: «Вешать на кухне после каждого скандала с вашей женой»). Можно купить этакий назидательный плакатик «Планируй заранее!», в котором «заранее» напечатано вкривь и вкось, чтобы уместились все буквы.

Был в веселом магазинчике товар с философским подтекстом: «Думай!» Или: «Всякий, кто способен улыбаться в нынешней ситуации, просто не понимает истинного положения вещей». Не обошлось, конечно, и без сугубо профессиональной тематики: «Прежде чем садиться писать, посмотри, как прекрасен чистый лист бумаги». И еще: «Моя работа настолько секретна, что даже я не знаю, чем занимаюсь». Последний плакатик корреспонденты покупали особенно охотно, чтобы дарить своим знакомым «там, за рекой». «Там, за рекой» — на другом берегу Потوماка — располагались Пентагон («медные каски») и Центральное разведывательное управление («эти мальчики из Лэнгли»).

Продавался и сугубо современный вариант юмора висельников, представленный небольшой брошюрой, оформленной под издание правительственного Управления гражданской обороны, с таким заголовком: «Что делать в случае атомной атаки?» На первой странице брошюры было напечатано четыре пункта настоящих правил противоатомной защиты. На второй (и последней) пункт пятый (и тоже последний), который гласил: «А теперь поцелуй на прощание собственную задницу — больше вы никогда не увидите».

Продукцию этого, кстати сказать, преуспевающего торгового заведения приходилось видеть на стенах рабочих кабинетов многих вашингтонских коллег. Известный американский обозреватель как-то рассказал мне, что поначалу он тоже хотел украсить свой кабинет

продукцией цокольного этажа, а потом решил: «Если я начну у себя в логове рекламировать чужие остроты, кто станет покупать мои собственные?...» И на двери «логова» под фамилией хозяина появилась надпись собственного изготовления: «Здесь покупают и продают старые и новые фельетоны».

Однажды в том же пресс-клубе я был представлен новичку, только что назначенному заведовать вашингтонским бюро одной из крупных американских провинциальных газет. Вместо обычной визитной карточки он вручил мне сложенный вдвое кусок картона. На лицевой стороне стояло всего два слова: «Перед Вами...» Фраза заканчивалась внутри визитки: ...сукин сын из Вашингтона, который знает все ответы». Чуть ниже — имя и фамилия новичка и название газеты, на которую он работал.

Необычную визитку можно было понять двояко. Скажем, просто как еще один образчик журналистской иронии в собственный адрес, приправленный для остроты парой словечек «средней крепости». Если же сделать упор на словах насчет «знания всех ответов», то тут уж можно было углядеть, как говорят англичане, «лошадь другого цвета». При таком акценте визитка моего нового знакомого являлась маленькой данью вашингтонским взглядам, настроениям и планам конца пятидесятих годов, на восьмой год президентства республиканца Дуайта Эйзенхауэра. «Самонадеянность силы» назвал позднее подобные настроения сенатор-демократ Фулбрайт. К этому емкому определению следует все же добавить: самонадеянность была смешана с сильной дозой шовинизма, шапкозакидательства и с совершенно новой для традиционно практичных янки неспособностью (или нежеланием) видеть, как складывается истинное положение вещей.

Впрочем, разговор на эту тему мы с вами, читатель, продолжим несколько позднее. Здесь же для иллюстрации вышеприведенной оценки приведу лишь один типичнейший пример. Генерал Максуэлл Тэйлор (при Джоне Кеннеди он стал председателем объединенной группы начальников штабов США), выступая перед выпускниками военной академии Уэст-пойнт, совершенно серьезно утверждал, будто американский генералитет во время и особенно после второй мировой войны добился таких успехов в военной науке, которые, оказывается, «превращают в карликов всех великих завоевателей, знакомых нам еще по школьным учебникам истории». Выпускники Уэст-пойнта аплодировали генералу не менее серьезно и восторженно...

Шел тысяча девятьсот пятьдесят девятый год. Провал агрессии против Кубы в бухте Кочинос (в Америке ее называют Заливом Свиней), карибский ракетный кризис осенью шестьдесят второго года и «грязная война» во Вьетнаме — все это было еще впереди. А пока в Вашингтоне царил глубокая уверенность в том, что именно там «знают все ответы».

И уж, конечно, их знал мистер Кейпхарт. Барни Кейпхарт, с которым мы сейчас познакомимся.

...Однажды в субботний вечер, окончив работу, я заглянул в бар вашингтонского пресс-клуба. Минувшая неделя прошла на редкость тихо, почти без событий. Обсуждать между собой корреспондентам было практически нечего, и бар пустовал. Только за двумя-тремя столиками сидели завсегдашай. Этих никакими силами нельзя было вытащить оттуда до самого закрытия. Не помогли даже такие призывы клубной телефонистки, общавшейся с баром по радио: «Мистер Смит, ваша жена звонит уже в третий раз. Она прекрасно знает, что вы в баре, и говорит, что вам лучше подойти к телефону».

Вашингтонский пресс-клуб имел в те годы одну редчайшую особенность: он был доступен для женщин, в том числе и для журналисток, только по особым случаям. Их пускали туда на званые вечера или на традиционные рабочие завтраки с видными американскими и иностранными государственными и политическими фигурами.

Главный же бар пресс-клуба все шестьдесят с лишним лет своего существования был категорически закрыт для лучшей половины человечества, о чем и свидетельствовала табличка на его входной двери: «Только для членов клуба и гостей мужского пола». И когда осенью 1959 года настырная репортерша агентства «Магnum фотосервис» все же рискнула открыть заветную дверь, дальше порога ей пройти не удалось — вытолкали. Результатами этой безнадежной экспедиции был сердечный припадок у главного бармена — семидесятилетнего Фрэнка Матера, чьи нервы, как он потом объяснял, не выдержали «этого вопиющего беззакония», да ультиматум правления пресс-клуба всем вашингтонским журналисткам: «Или прекратите безобразия, или мы не станем больше пускать вас в клуб». (В женский пресс-клуб Вашингтона, куда более скромный и малочисленный, мужчин почему-то пускали беспрепятственно.)

...Заказав кружку светлого пива и «трехпалубный клубный сандвич», я уселся за столик и принялся смотреть «Драку в субботний вечер». Так называлась еженедельная телепередача профессионального бокса.

Вдруг дверь от резкого удара ногой (для самозащиты ее низ одели в ярко начищенные латунные листы) широко распахнулась, и в бар ввалился некто Барни Кейпхарт. На визитной карточке, врученной им при нашем знакомстве, он именовался заведующим отделом печати вашингтонского отделения Американского легиона.

Здесь нужно сказать, что у нас с Барни сложились весьма своеобразные отношения. Он почему-то считал своим святым долгом беспардонно приставать к советским корреспондентам, не упуская любой возможности встречать в наши беседы в пресс-клубе с амери-

канскими коллегами. Многие из них от такого поведения Барни чувствовали себя тягостно и неловко за соотечественника и даже, случалось, прямо говорили ему об этом. Но Барни все равно продолжал свои выходы. Он мог, скажем, подойти и вмешаться в ваш разговор с кем-нибудь, спросив с безмятежной улыбкой: «Скажи, Владимир (или Юрий, или Майк), я слышал, что ты отказался вернуться в Россию. Это правда?» Или, например, однажды пригрозил телетайпистке корпункта ТАСС: если она будет брать в фойе доставляющиеся туда официальные публикации (а они предназначались для всех аккредитованных в Вашингтоне корреспондентов), то он «отведет ее в полицию». Когда один из нас поговорил с Барни, что называется, «по душам», тот, не задумываясь, извинился, сказав, что его «не так поняли», и вообще в тот день он «здорово слез с повозки» (жаргонное выражение, означающее, что человек был пьян).

Я был любимым объектом усилий Барни, наверное, потому, что обрывал его реже, чем мои товарищи. Поступал же я так только потому, что Барни был мне очень интересен как образец психологии фанатика антикоммуниста. Как известно, Американский легион — организация ультраправая и ультрапатриотическая да еще с особым ударением на первой половине этого слова.

Однако Барни воспринимал такую мою внешнюю терпимость как доказательство успеха своих наскоков. К тому же он очень любил играть на публику.

Увидев меня, Барни ужасно обрадовался и сразу же двинулся к моему столику.

— Нет стрéляй, тэвáррышш, я твóя дрúга! — выкрикнул он по-русски вместо приветствия. Во время прошлой войны Барни (он был родом из Южной Калифорнии) служил в авиации где-то на тихоокеанском побережье и готовил к перелетам в Советский Союз боевые машины, поставившиеся нам по ленд-лизу. Эту фразу из тогдашнего американского военного разговорника Барни почему-то крепко запомнил и неизменно говорил при встречах.

Однако на этот раз талантам Барни не суждено было развернуться. Завсегдатай из-за соседнего столика, не отрывая глаз от боксеров на телеэкране, громко и очень ласково сказал: «Дорогой мистер Кейпхарт, сукин вы сын, заткните свою вонючую плевательницу и не мешайте смотреть бокс, а не то я могу вам устроить персональную «драку в субботний вечер».

Щуплый Барни посмотрел по сторонам, убедился, что публики на этот раз не было, вздохнул и без разрешения уселся за мой столик. Взгляд его, скользнув по кружке пива и тарелке с «трехпалубным клубным», остановился на лежавшей тут же книжке. Это был только что полученный мной свежий экземпляр ежегодного статистического справочника «Пожалуйста, информация».

— Майк, — на этот раз тихо, чтобы не мешать завсегдатаям,

сказал Барни, — поздравляю. Мы, кажется, сумеем сделать из тебя настоящего американца. Уж если ты начал читать такие книги, то, наверное, в скором времени я смогу пригласить тебя выступить с истинно американской речью на общем собрании вашингтонских легионеров.

Барни высосал сразу половину своего коктейля — чистого виски, смешанного с толченым льдом. При этом перенасыщенная его утроба содрогнулась, и он, достав платок, вытер слюну на подбородке. Потом трагическим шепотом продолжал:

— Учти, Майк, я пожалуюсь в Кремль. Тебя отзовут и отправят в Сибирь на вечную каторгу. Зачем ты тратил доллары на эту книгу? Нет, Майк, видно, ты плохой коммунист, если собираешься читать такую книжку, потому что в ней собрана самая лучшая американская пропаганда.

— Но если вы называете это пропагандой, а у вас это слово употребляется чаще всего только в ругательном смысле, значит, мы не должны верить этой книжке? — поинтересовался я.

— В том-то и дело, что должны! — воскликнул Барни и отправил в рот вторую половину содержимого своего стаканчика. — Именно для этого издаются альманахи и всякое подобное цыпляче дерьмо. Все должны этому верить: русские, китайцы, эскимосы, зулусы и прочая чернозадая мразь. Даже марсиане, если они только есть и понимают по-нашему...

— А американцы? — вставил я.

— Не отвлекай меня дурацкими вопросами от одной из лучших моих проповедей, — отмахнулся Барни и продолжал: — Эти книжки мы делаем мастерски. Никто не сможет доказать, что наша статистика лжет. Она всего-навсего обходит то, что нам невыгодно. О-о! Мы умеем это делать. Не то что вы. Каждую вашу цифру мы сразу же подвергаем широкому публичному сомнению. И это дает нужные результаты. Мы короли статистики, ее поэты и волшебники! Мы обрушиваем на людские головы столько информации, что глупому человечеству некогда даже подумать, будто дело может обстоять иначе. У нас самый большой в мире опыт работы с общественным мнением. Мы умеем делать это так же хорошо, как доллары. Иди домой, Майк, и читай эту книжку...

— Любопытно, Барни, как же вы создаете эти шедевры?

— Не на того напали, сэр. Ты еще не знаешь Барни Кейпхарта! Сейчас я тебе кое-что скажу, — с безмятежной улыбкой продолжал Барни. — Запомни: Москве и Вашингтону все равно не ужиться. Никогда!

— Ваш президент говорит другое...

— Кеннеди?.. Этот слабак — не мой президент. Наше время еще впереди...

Нехитрые «откровения» Барни в общем-то сводились к брошенно-

му кем-то в Калифорнии лозунгу: «Лучше быть мертвым, чем красным». Вернувшись в тот вечер домой, я коротко записал этот разговор. И теперь, более двадцати лет спустя, не без некоторого удивления обнаружил, листая старый блокнот, что та запись во многом похожа на достаточно известную антисоветскую риторику Рейгана и его команды. Во всяком случае, их роднили так и прущая наружу циничная откровенность вождельней и политический примитивизм. Видно, недаром говорится, что все новое — это всего-навсего хорошо забытое старое...

За время рассказа Барни сумел управиться еще с двумя стаканчиками любимой смеси, которая называлась «виски-туман», и потому, кончив говорить, впал в состояние блаженной полудремы. На телеэкране завершала поединок последняя пара боксеров, часы показывали половину одиннадцатого.

Я встал из-за столика. Барни встрепенулся, изобразил указательным и большим пальцами своей волосатой, в рыжих веснушках руки подобие пистолета, нацелил это сооружение мне в грудь и начал было свое традиционное «Ньет стреляй, тэварр...» Но не договорил — «виски-туман» уверенно делало свое дело.

— Ну вот и наш главный патриот скопытился... — громко объявил подошедший за пустыми стаканчиками и тарелкой бармен Грегори и будто нехотя поинтересовался: — Чего он вам тут доказывал?

— Ничего особенного. Очередная драка в субботний вечер, — ответил я, кивнув в сторону телеэкрана.

— И охота вам... — почувствовал мне Грегори. — Если бы он хоть за выпивку платил...

Остановка вторая. «Мы уже давно оккупированы...»

Мы еще поговорим с вами, читатель, о таком явлении, как Барни Кейпхарт и ему подобные. Но сейчас давайте на время вернемся в наши дни.

...На эту встречу я немного опоздал. Еще открывая дверь в кабинет, услышал дружный хохот коллег. Едва он начал утихать, как вдруг раздался так хорошо знакомый мне голос... Джона Кеннеди! Я вздрогнул: «Что за чертовщина?» Не узнать этого голоса я не мог — за годы работы в Вашингтоне пришлось побывать на всех пресс-конференциях злодейски убитого президента.

Голос, конечно, принадлежал совсем другому американцу — гостю Союза писателей, известному романисту Гору Видалу. Он, оказывается, талантливо имитировал собственных президентов. В кабинете зазвучал красивый голливудский баритон Рейгана. После него — Ричарда Никсона: «Мои соотечественники, сегодня ночью американские войска высадились в Камбодже. Но это не вторжение».

Вслед за фразой, действительно сказанной Никсоном в самом

начале семидесятых годов, Видал стал говорить о том, что «американский человек с улицы — типичный запойный телезритель. Шесть часов каждый день!» (Даю здесь вежливый перевод его слов. А если уж точно, то нужно перевести так: «типичный телеалкаш»). Наш зритель, продолжал гость, настолько не вникает в смысл услышанного, если оно прямо и немедленно не касается его кошелька, желудка и здоровья, что готов проглотить даже такие классические образцы бессмыслицы и лицемерия.

Перу Видала принадлежит шестнадцать романов. Издавались они весьма приличными для малочитающей Америки тиражами. У нас его знают по двум книгам — «Бэрр» и «Вашингтон, округ Колумбия», опубликованным журналом «Иностранная литература».

За столом сидел молодежавый подтянутый мужчина на вид лет сорока пяти, хотя на самом деле он уже «разменял» вторую половину своего пятого десятка. Говорил он очень быстро, четкими недлинными фразами. Как будто стрелял короткими очередями из автомата.

С Гором мы раньше никогда не встречались, хотя, конечно, он был знаком мне по книгам и еще по своему языку — острому, как новые лезвия фирмы «Жиллет», те, что с двойным жалом. После комика Боба Хоупа это, пожалуй, самый остроумный из знакомых мне американцев.

Разговор наш был очень оживленным. Видал, либеральный демократ из Калифорнии, с плохо скрытой горечью побежденного рассказывал о своем неудачном поединке за место сенатора США от Калифорнии («У нас ведь однопартийная система... Партия частной собственности, разделенная на две почти одинаковые фракции, демократическую и республиканскую. Разделенную для того, чтобы обдурить наивную публику... Мой противник израсходовал на этих выборах два миллиона долларов. Деньги давал большой бизнес. Куда уж мне, когда я еле наскреб сорок тысяч».)

В общем, мы говорили о вещах, достаточно у нас известных, и я не стал бы здесь вспоминать об этой беседе если бы под конец Видал не произнес одной фразы. Не помню точно, как и кто упомянул об антисоветской свистопляске в Америке в связи с событиями в Польше. Но тема эта возникла (да, наверное, она не могла не возникнуть), и Видал начал рассказывать о том, как его пригласили на большой митинг в Нью-Йорке, посвященный протесту «против советской оккупации».

— Я тоже должен был выступать. Но те, кто говорил до меня, так сгущали краски, что я не выдержал и, когда подошла моя очередь, сказал вовсе не то, что собирался сказать. Подошел к микрофону и произнес всего одну фразу. Какой смысл нам, — спросил я, — говорить здесь о советской оккупации Польши, если мы с вами в собственной стране уже давно оккупированы нашим дорогим (очень дорогим!) отечественным военно-промышленным комплексом?

И тут я сразу же вспомнил, как двадцать четыре года назад совсем другой американец, куда более известный в Соединенных Штатах и во всем мире и, не скрою, гораздо менее симпатичный мне, чем Гор Видал, впервые заговорил вслух о военно-промышленном комплексе.

Зима в тот год в Вашингтоне была катастрофически холодной и снежной. Сугробы на улицах намело, пожалуй, повыше московских. А из низких свинцово-серых облаков все валили и валили, совсем как наши, пушистые, густые хлопья снега. Убирать его было тогда нечем и некому. Столичный муниципалитет еле умолил городские власти соседней Балтиморы одолжить на время не то два, не то три снегоочистителя (все, что было у балтиморцев). Снежный покров почти прекратил уличное движение. Более или менее исправно работал только городской транспорт. Но в те годы на весь Вашингтон всего-то было шесть-семь автобусных линий. А мощные, элегантные «форды», «шевролеты», «доджи» и «бьюики», под капотами у которых таились моторы-звери в двести и больше сил, барахтались в заносах, как беспомощные младенцы. Их владельцы, незнакомые с наступающей зимой, в бессильной ярости давили на педали акселераторов, отчего колеса рычащих зверюг только глубже зарывались в снег.

Из-за непогоды я чуть было не опоздал на пресс-конференцию в Белый дом, очень сильно нервничал: это была последняя пресс-конференция Дуайта Эйзенхауэра, уходящего на покой после максимально возможных по конституции двух четырехгодичных сроков его президентства. Опоздать было никак нельзя еще и потому, что я был единственным корреспондентом ТАСС при Белом доме.

Радуясь тому, что все-таки успел, потирая заколенившие пальцы, я вошел в «зал индейских договоров», где в те годы проводились президентские пресс-конференции, и занял отведенное ТАСС место — жесткий, неудобный для работы стул. Записывать услышанное приходилось, согнувшись в три погребели и держа блокнот на коленях. Записывать нужно было как можно подробнее, не надеясь на стенограмму, которую выдавали не раньше, чем через два часа. Сообщать же в Москву все самое главное следовало немедленно короткими бюллетенями по темам под грифом «молния».

За малейшую неточность из Москвы по телетайпу на другой день приходили приторно-вежливые и.. ехидно-язвительные «втыки» от начальства: «молнии» с пресс-конференций президента немедленно, практически не обрабатывая, ТАСС отправлял в редакции газет, радио и телевидения, правительству.

Да, освещать пресс-конференции Айка (так уменьшительно называла его вся Америка) было ох как непросто. У этого президента была странная манера говорить. Он почему-то недолюбливал глаголы, и на пять-шесть подлежащих у него почти всегда было одно сказуемое. К тому же после пресс-конференции и после того, как нам вручали стенограмму, довольно часто звонили чиновники пресс-отдела Белого

дома или госдепартамента. Ласковыми, вкрадчивыми голосами они просили поправить что-нибудь в этой стенограмме: когда президент сказал то-то и то-то, он имел в виду следующее...

Впрочем, на сей раз никаких таких подвохов опасаться было нечего: прощальное послание президента, естественно, готовилось заранее и просто зачитывалось им.

Наконец в «индейской комнате» — там когда-то подписывались «мирные» договоры с вождями краснокожих, чьи портреты украшали стены зала и прилегающего фойе, где стояли телефонные кабины для корреспондентов — появился тридцать четвертый президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр. Высокий и довольно стройный для своих лет, со старческим румянцем на щеках, он зябко потер руки, неофициально пошутил насчет погоды и приступил делу.

Это было 17 января 1961 года.

— Прослужив полвека своей стране, — начал Айк, — я через три дня сложу с себя служебные обязанности, и в соответствии с традиционной и торжественной церемонией должность президента перейдет к моему преемнику. Сегодня вечером я обращаюсь к вам с прощальным посланием и хочу в последний раз поделиться с вами, моими соотечественниками, некоторыми мыслями.

Следующие несколько минут президент говорил традиционно протокольным языком: благодарил конгресс за сотрудничество, не забыл, конечно, упомянуть недобрым словом социалистические страны («Враждебная идеология — глобальная по своим масштабам, атеистическая по характеру»). Правда, при этом он не назвал конкретно ни одной страны.

Все это было слышано много раз, особого интереса не представляло, и перо мое заскользило по бумаге медленнее.

И вдруг Айк заговорил об огромных масштабах американской военной машины, о том, что нельзя давать слишком много власти «военно-промышленному комплексу». Эта тема послания явно была главной, потому что до Эйзенхауэра никто в Соединенных Штатах не ставил подобного вопроса. Да и сам термин «военно-промышленный комплекс» был тоже употреблен впервые.

Вот что дословно сказал об этом Эйзенхауэр:

«Сочетание колоссальных вооруженных сил и большой военной промышленности — нечто новое в американской истории. Общее влияние этого — экономическое, политическое и даже духовное — ощущается в каждом городе, в каждом штате, в каждом учреждении федерального правительства. Мы признаем настоятельную необходимость такого сдвига. Однако мы не должны недооценивать его серьезных последствий. С ним связаны наш труд, наши ресурсы и средства к существованию, точно так же, как сама система нашего общества.

Мы должны остерегаться установления в высших правительственных органах неоправданного влияния военно-промышленного комплекса — желанного или нежеланного. Существует и будет существовать потенциальная опасность пагубного усиления неправильно используемой власти».

На таких ответственных пресс-конференциях корреспонденты телеграфных агентств не должны позволять себе никаких эмоций — ни внутренних, ни внешних. Иначе отвлечешься, а это скажется на точности изложения, которое нужно передать в редакцию немедленно. И все-таки после слов Эйзенхауэра по «индейскому залу» прошел легкий шумок. Даже не шумок, а какое-то еле уловимое шевеление воздуха.

Да, тут было чему удивляться! Этот национальный герой Америки, старый генерал, отдавший тридцать семь лет службе в армии, этот лидер республиканцев — партии крупных монополий — предупредил нацию и весь остальной мир о грядущей опасности союза «медных касок» и большого бизнеса. И, хотя президент не поставил всех точек над «и», а говорил «с языком за щекой», суть и смысл его предупреждения не понять было нельзя.

Два-три следующих дня газеты пережевывали послание на все лады, кроме одного: никто почему-то не стал докапываться, какие конкретные и глубокие причины побудили президента на громкий разговор о военно-промышленном комплексе. Потом, после 20 января, когда в Белый дом торжественно вселился Джон Кеннеди, тема эта перекочевала на газетные задворки, а вскоре почти исчезла на несколько лет.

Сам же Эйзенхауэр до конца дней своих, насколько мне известно, так и не объяснил толком, почему все-таки он решил запустить на международную орбиту новый хлесткий политический термин — военно-промышленный комплекс.

Весной 1962 года я попытался было поговорить с Джимом Хагерти, пресс-секретарем Белого дома при Эйзенхауэре, который после отставки стал вице-президентом «Эй-Би-Си» — одной из трех крупнейших американских телекомпаний. Действуя по неписаному журналистскому правилу «Стучись во все двери, какая-нибудь да откроется», я все же рассчитывал хоть что-нибудь выяснить.

Но Джим не захотел касаться этой темы. С присущей ему грубоватой прямоотой он сказал:

— Уж если мой старик решил не вдаваться в подробности, почему ты думаешь, что я стану обсуждать это?.. Тем более с парнем из Москвы.

Остановка третья. Каждый пятый!

Что же все-таки имел в виду Эйзенхауэр?

К концу пятидесятих годов руководящая финансово-монополистическая верхушка Соединенных Штатов и ее приводные ремни к нации — Белый дом, правительство и конгресс — испытывали жесточайшее разочарование. Испытывали потому, что стало оче-

видным: «пакс Американа» — золотой век безраздельного американского господства во всем мире — так и не наступил. А ведь сразу после второй мировой войны разоренная Европа почтительно внимала прихотям заокеанского дядюшки. Советский Союз с невероятным трудом восстанавливал собственными силами жестоко разрушенное хозяйство.

Америке, сказочно разбогатевшей на военных поставках и к тому же единственной тогда обладательнице качественно нового — атомного — оружия, казалось, что долгожданный «золотой век» совсем рядом, стоит только протянуть руку или, на худой конец, завернуть за угол... Поверьте, читатель, я ничего не преувеличил. Люди старших поколений прекрасно помнят специальный номер нью-йоркского журнала «Колльере», посвященный... американской победе над нами. На его цветной обложке-фотомонтаже бравый «Джи-ай» красовался на фоне Кремля, над которым развевался звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов.

В погоне за столь сладкой мечтой американский империализм, не щадя национального богатства страны, расходовал небывалые до сих пор средства на гонку вооружений, тотальный шпионаж и подрывную деятельность против стран социализма.

Если в 1939 году федеральное правительство имело восемьсот тысяч гражданских служащих и примерно десять процентов из них работало в организациях, связанных с национальной безопасностью, то уже к концу сороковых годов таких служащих было почти четыре миллиона. И свыше трех четвертей из них занимались вопросами национальной безопасности. С тех пор эти цифры растут и растут.

(Вскоре после Победы американская пресса начала кричать на весь мир: вот, мол, Америка демобилизуется, а агрессивный Сталин продолжает держать свои танковые армии наготове. Их пресса до сих пор кричит о советских танковых армиях, меняя при этом лишь фамилии наших руководителей.)

Между тем именно опыт войны подготовил американский бизнес к восприятию военных как постоянного законного партнера по взаимовыгодной коалиции: бюрократия, ведающая вопросами национальной безопасности, стала фактически контролировать распределение все более значительной доли национального богатства.

Надежды на «золотой век» не оправдывались: к концу пятидесятих годов Соединенные Штаты оказались гораздо дальше от него, чем тогда, в сорок пятом. Самым главным препятствием этому сумели стать Советский Союз, весь мировой лагерь социализма, волею объективных законов истории превратившийся в важнейший фактор современности.

Помню, как вскоре после своего приезда в Вашингтон в 1959 году я услышал там одну удивительную историю. Оказывается, в канун смерти Джон Фостер Даллес, автор по меньшей мере десятка самых

агрессивных антикоммунистических доктрин («освобождения», «мас-сированного удара» и прочая и прочая), не сумел скрыть от журналистов своего уныния и разочарования по поводу бесплодности главного дела всей его жизни — борьбы с Советским Союзом. Он так и сказал: «бесплодности».

Впрочем, один серьезный результат пятнадцати послевоенных лет американских усилий все же был: к концу пятидесятих годов Соединенные Штаты стали действительно великой военной державой. Их громадная военная машина поглощала значительную долю бюджета страны, глубоко влияла на экономику и все больше на позиции общественности и национальную политику — и внешнюю и внутреннюю. Из всех новых тенденций в жизни Америки, порожденных «холодной войной», главная заключалась в том, что национальные ресурсы, таланты и энергия все больше и больше переключались на то, чтобы обеспечить победу в борьбе за власть над всем миром.

Многолетними усилиями средств массовой информации, посвященными в общем-то одной и той же теме («Русские идут!»), в национальный стиль был привнесен дух страха и напряженности. Любые программы, связанные с национальной безопасностью, стали неприкасаемыми, превратившись в святая святых американского кодекса жизни. Обе палаты конгресса — и сенат и палата представителей — обсуждали и принимали законопроекты о военных расходах (миллиардные суммы!) в течение недели, а иногда и нескольких часов. Законопроекты, не связанные с программами национальной безопасности, застревали в том же конгрессе на многие недели, месяцы, а иногда и годы.

— Каким-то неестественным образом мы привязались к «холодной войне»! — воскликнул в начале шестидесятых годов сенатор Уильям Фулбрайт. — Она увлекает нас, бросая волнующий и, казалось бы, ясный и простой вызов извне, и отвлекает наше внимание от проблем здесь, на родине...

Да, в пятидесятые годы Соединенные Штаты стали законченно милитаристской страной, где все чаще думали только о военных путях решения проблем, возникающих от любой угрозы «национальным интересам», распространившимся на самые отдаленные уголки земного шара. Уже более полутора миллиона американцев в военной форме для «защиты и поддержания мирового порядка» находились в ста девятнадцати странах. Страну все больше (и все легче) причали к милитаризму, к военной форме, культу насилия. К счастью для Америки, вторая мировая война не коснулась ее территории: всего два снаряда, выпущенные вскоре после Пирл-Харбора с японского крейсера, упали на тихоокеанском побережье. Основная же масса населения не испытала ужасов войны и очень слабо представляла себе ее действительное лицо. Лишения и опасности, связанные с военными

действиями и боевой солдатской службой, были понятны лишь немногим, видевшим кровь и ужас сражений. Для остальных, особенно для молодежи, война представлялась если не волнующим приключением, то уж, во всяком случае, не самым страшным способом избавиться от скучной и однообразной рутины мирного времени, для которой за океаном кто-то изобрел очень злое определение «крысиная гонка».

Не знаю, прав ли я на все сто процентов, но мне кажется: восприимчивость к прививкам милитаризма уходила своими далекими корнями в тот самый «дух пионеров», осваивавших в свое время американский дальний Запад с поистине миссионерским рвением. Рвение удобно уживалось с открытой погоней за собственным солидным куском земли, который можно было получить только после того, как сгонишь с нее прежних владельцев — «нецивилизованных и опасных безбожников» — индейцев. Именно тогда родилась поговорка: «Хороший индеец — это мертвый индеец».

Классический пример американской разновидности международного миссионерства, на мой взгляд, наглядней всего объясняет такой анекдот, давным-давно рожденный в самих Соединенных Штатах. Однажды, отчитываясь перед учителем в совершенных добрых поступках, два школьника-бойскаута рассказали ему, как помогли одной старушке перейти улицу. Учитель похвалил, но спросил о подробностях столь благородного поступка. Тут-то и выяснилось, что мальчишкам нелегко далось их доброе дело.

— Почему? — удивился учитель.

— А она не хотела переходить, сэр, — ответили бойскауты...

Конечно, анекдот — это всего лишь анекдот. Хотя, с другой стороны, недаром говорится, что сказка — ложь, да в ней намек... Мудрый и чуткий француз Ромен Роллан еще в 1926 году в статье «Предупреждение Америке» писал о том же самым так:

«Англосаксонский характер Америки — сильный и гордый, цельный в своих склонностях и принципах, решительный и негибкий. Он отличается странным, поражающим всех нас, европейцев, неумением понимать образ мыслей других рас, неумением вникать в их психологию и внутреннюю жизнь, почувствовать их душу, их страсти, их потребности, как свои собственные. Американец считает, будто бы все, что правильно, что хорошо для него, должно быть так же правильно и хорошо для всех других народов земного шара; а если народы с этим не согласны, то ошибаются, мол, они, — Америка якобы имеет право навязывать им свое мнение, в интересах всего мира и в их собственных интересах. Подобные взгляды порождают стремление к завоеванию мира, прикрытое фальшивым морализированием, которое (быть может, бессознательно) восходит к алчному животному инстинкту власти над другими народами.

Это чрезвычайно опасно...»

Наверное, Роллан все-таки чуть переборщил, свалив всех американцев в кучу. В остальном же с ним нельзя не согласиться. Особенно сегодня, пятьдесят девять лет спустя

Так или иначе, но американскому империализму удалось через пятнадцать лет после войны завершить процесс формирования военно-промышленного комплекса. И, хотя об этом с тех пор не раз писалось, придется сейчас для полноты картины кое-что напомнить.

Только за пятидесятилетие годы американская промышленность получила тридцать восемь миллионов военных заказов на общую сумму двести двадцать восемь миллиардов долларов. Мне всегда казалось, что столь огромные суммы непросто представить себе конкретно, в их реальном наполнении. Поэтому приведу такое сравнение. В середине пятидесятих годов на стоимость одного тяжелого бомбардировщика можно было бы построить по одной кирпичной средней школе в тридцати городах Соединенных Штатов. Или две электростанции, каждая из которых могла бы питать энергией городок с населением шестьдесят тысяч человек. Или две первоклассные, полностью оборудованные больницы. Или, на худой конец, восемьдесят километров автострады с движением в шесть — восемь рядов.

Под воздействием бурного потока военных заказов к концу пятидесятих годов за океаном сформировалась прочная общность интересов профессиональных военных, ЦРУ и тех крупнейших банков и монополий, чья деятельность почти целиком была связана с военной машиной. Вот об этой-то стороне дела и писалось больше, подробней и чаще всего в многочисленных исследованиях — научных и журналистских — природы и структуры военно-промышленного комплекса. Безусловно, это был его мозговой центр и стеновой хребет. Миллиардные ассигнования на военные цели гарантировали ему нормальное кровообращение. Но, как у всякого организма, пусть даже искусственно (и насильственно!) созданного, кроме мозга, скелета и кровеносной системы, должны быть и другие составные части, без которых тоже не обойтись.

И они, конечно, были, есть и будут до тех пор, пока существует сам комплекс. Я имею в виду тесное сплетение самых различных интересов конкретных предприятий на местах, профсоюзов, торговых палат, университетских исследовательских лабораторий, политических партий, средств массовой информации и так далее.

Получение тем или иным предприятием «хорошего» военного заказа означало не только гарантированную и весьма высокую прибыль его владельцам. Такой заказ означал также гарантию от безработицы и рабочим, инженерам и служащим этих предприятий, возможность делать сбережения, дать детям образование. Для университетов заказы на военно-научные исследования означали, по сути дела, то же самое.

Короче говоря, американский империализм в погоне за неограниченным и безраздельным мировым господством стал несколько больше, чем раньше, подкармливать только одну часть трудового населения страны, ту, чьими руками он разрабатывал появившуюся после войны «золотую жилу» — гонку ракетно-ядерных вооружений.

Конечно, в принципе ничего нового и неожиданного американский империализм не изобрел. Подобный путь вероятного развития капитализма предсказал еще в 1916 году В. И. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Он писал тогда: «Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов-хозяйчиков, — с одной стороны, а с другой, обостренная борьба с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и за господство над другими странами, — все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма. «Всеобщее» увлечение его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное прикрашивание его — таково знамение времени. Империалистическая идеология проникает и в рабочий класс. Китайская стена не отделяет его от других классов».

Вот несколько наиболее характерных иллюстраций к вышесказанному. Привожу их в произвольной последовательности. Пусть читатели сами разложат эти цифры и факты по полочкам памяти.

Сейчас на военные цели в Соединенных Штатах расходуются больше четверти федерального бюджета. Если планы Рейгана в этой области будут все-таки выполнены, только прямые военные расходы составят одну треть всего бюджета.

Номенклатура предметов военного потребления составляет три миллиона семьсот тысяч наименований.

Военные заказы выполняют двадцать тысяч предприятий — основных подрядчиков и более ста тысяч субподрядчиков!

Каждый пятый трудоустроенный американец фактически кормится за счет ассигнований на гонку вооружений!

Американский капитализм задолго до появления на свет военно-промышленного комплекса довел до высокой степени мастерства практику приобщения к своим интересам довольно значительных категорий трудового населения Соединенных Штатов. Многие десятилетия процесс социального растления за океаном был направлен на то, чтобы увести активность масс возможно дальше от их классовых интересов, направив ее в сферу личного обогащения.

Современное американское общество просто нельзя понять, не учитывая в должной мере его воинствующий индивидуализм как главную движущую силу. Тот, кто смотрел превосходный фильм

режиссера Стэнли Крамера «Этот безумный, безумный, безумный мир», вполне может (отбросив некоторый налет чисто жанрового гротеска в этой ленте) сказать: «Я видел, как действует главная дружина американского общества».

Именно эти особенности американского развития способствовали увлечению империализмом не только «сверху», но и «снизу». Военно-промышленный комплекс начал влиять, кроме как на желудки и кошельки, и на умы значительных масс избирателей. Пять американских штатов Юга и Запада — от Калифорнии через Техас до Флориды — иногда называют «южной дугой». «Дуга» сконцентрировала в своих пределах большинство предприятий ракетной и тесно связанной с ней электронной промышленности. В шестидесятых годах было замечено, что именно в этих районах произошло значительное поправение в политических настроениях. Когда в 1964 году собрался для выдвижения кандидата в президенты очередной съезд республиканской партии, обнаружилось: делегации четырех из пяти «ракетных» штатов целиком состояли из сторонников ультраправого сенатора Барри Голдуотера. Из тридцати шести делегатов пятого «ракетного» штата двадцать два голосовали за того же Голдуотера.

«Милитаризм в Америке находится в полном цвету и обещает в будущем активное самоопыление...» — заметил в середине шестидесятых годов (после выхода на пенсию) командующий корпусом морской пехоты США генерал Дэвид Шоуп.

Однако давайте вернемся к вопросу, с которого начиналась эта глава. Что же все-таки имел в виду Эйзенхауэр, столь удививший мир своим прощальным посланием? Сам он однажды ответил на это так: «Я думал о почти полном проникновении в наши умы представления, будто единственно что занимает страну — это оружие и ракеты. Но, скажу я вам, мы просто не можем себе этого позволить».

Перед насильственным концом президента Кеннеди старый генерал еще раз коснулся той же темы. Журналисты спросили его об успехах военно-промышленного комплекса за минувшие три года. Он ответил: положение ухудшилось, военные монополии поставили под угрозу самые «основы нашей жизни».

Однако и эти ответы не давали полной картины происшедшего. Они как бы откусывали лишь небольшие кусочки по краям пирога всей проблемы. К тому же было по-прежнему не очень ясно, почему Айк выступил против военно-промышленного комплекса.

Остановка четвертая. Кто кого?

При Джоне Кеннеди военные расходы Соединенных Штатов возросли больше, чем в полтора раза. Настолько же увеличилось число ядерных боеголовок. В армии стало почти на половину больше дивизий. В авиации на сорок четыре про-

цента больше самолетов и на семьдесят пять процентов вертолетов. Появился и новый род войск — «зеленые береты», так позорно прославившиеся позднее во Вьетнаме и в Латинской Америке. В начале 1961 года в Южном Вьетнаме находилось всего семсот американских военнослужащих. К осени 1963 года, когда раздались выстрелы в Далласе, их стало уже шестнадцать тысяч и они прямо участвовали в боевых действиях.

Сам Джон Кеннеди в первый же месяц президентства на вопрос журналиста о военно-промышленном комплексе уверенно ответил: «Его давление на нас не чрезмерно». Он и в самом деле считал так вначале, поскольку хотел одного: не просто ладить с комплексом, но самому оседлать его, заставить больше и эффективнее служить национальным, а не собственным узкоэгоистическим целям. Именно такие его усилия порождали в стране среди «заинтересованных лиц» острое недовольство и разговоры о том, что «братья Кеннеди — сопливые пацифисты». Помню одну пресс-конференцию тогдашнего министра обороны Роберта Макнамара. Речь шла о непомерно вздутых ценах, назначаемых фирмами-поставщиками Пентагона. Макнамара продемонстрировал нам резиновую прокладку. Толщиной в палец и длиной не больше десяти сантиметров, она предназначалась для механизма шасси новой модели истребителя. Раньше, продолжал министр, эти прокладки фирма поставляла по сорок центов за штуку. После того как «вмешались мы и пригрозили передать заказ другим людям, закупочная цена той же прокладки у той же фирмы стала всего шесть центов».

Сорок и шесть — почти семьсот процентов прибыли! Журналисты зашумели, и мой сосед, корреспондент «Нью-Йорк таймс» Джек Реймонд, автор любопытной книги «Власть — у Пентагона», спросил Макнамару: как называется фирма? Министр, прозванный «ходячей ЭВМ» за то, что мог часами на память сыпать точными цифрами, бросил в ответ: он этого не помнит...

И все-таки Джон Кеннеди пытался ставить перед страной новые задачи. В пятидесятых годах в структуре американского общества появились изменения, чреватые возникновением социально взрывоопасной обстановки. Эту потенциальную угрозу заметили тогда очень немногие, и среди них сам Кеннеди со своими ближайшими помощниками — экономистами, историками и социологами. Речь идет о бурном демографическом взрыве. Проще говоря, о росте населения Соединенных Штатов. В 1940 году там насчитывалось 132,6 миллиона человек. В 1960-м — 180,7 миллиона.

В то же время к началу шестидесятых резко увеличилась численность только двух возрастных групп — молодежи до восемнадцати лет и людей старше пятидесяти. Количество производителей материальных благ, то есть работающих американцев, тоже, конечно, возросло, но по сравнению с неработающими категориями

очень мало. Возникли серьезные социальные проблемы: стариков нужно было кормить и хоть как-то лечить. А детей еще и учить.

К 1960 году толстосуемы Америки со скрипом отдавали на это дело определенные средства. Они уступали под натиском классовых боев, а также потому, что на земном шаре крепили страны социализма, где и учение, и лечение, и многое другое рабочему человеку предоставляется бесплатно. Иными словами, почти все прибыли возвращаются к тем, кто их создает. Перед таким примером кое в чем приходилось раскошелиться. Однако увеличивать ассигнования на социальные нужды монополии все же не желали. И тогда возникли поначалу разрозненные и не слишком политически заметные кризисы, например, школьный (еще больше стало не хватать школ и учителей), пенсионный и медицинский: трудовые слои Америки уже не могли на свои заработки, как прежде, обеспечивать возросшее общенациональное число вынужденных иждивенцев.

Американский империализм в исторической слепоте своей стал больше, чем раньше, подкармливать только одну часть трудового населения — ту, чьими руками велась гонка ракетно-ядерных вооружений. Основная же часть рабочей силы оставалась вне этого процветания на «холодной войне», временами переходящей в «горячую» при так называемых локальных войнах. Все это медленно, но верно повышало угрозу социальных взрывов. Отсюда и призывы Кеннеди к своим братьям по классу: отдайте немного, чтобы не потерять все. Недаром свою внутреннюю политику этот президент называл «стратегия выживания». При этом он и его министры были глубоко уверены, что мощная экономика страны сумеет обеспечить лозунг «И пушки и масло».

Я пишу так подробно о Джоне Кеннеди потому, что именно ему к концу президентства пришлось бросить открытый вызов военно-промышленному комплексу. Пришлось. Жизнь заставила. Побудительной причиной стал карибский ракетный кризис осенью шестьдесят второго года. Впервые группа государственных деятелей, правившая страной по мандату монополий и банков, своей политикой привела Америку на грань ядерного конфликта с Советским Союзом. После этого ей стала куда более понятна такая более прописная истина нашего атомного века: у мира нет альтернативы.

В результате Джон Кеннеди совершает непостижимый с точки зрения американских послевоенных канонов шаг. Он обращается непосредственно к американскому народу, желая получить его поддержку для нажима на военно-промышленный комплекс. Именно эту цель преследовала речь Кеннеди, произнесенная им перед слушателями Американского университета в Вашингтоне летом шестьдесят третьего года. В ней впервые после войны содержался прямой призыв к нации пересмотреть отношение к «холодной войне» и... к Советскому Союзу.

Вот что сказал тогда президент: «Если сегодня снова начнется тотальная война — независимо от того, как бы она ни началась, — первыми ее объектами станут наши две страны. Кажется иронией, но это действительно факт: двум сильнейшим державам мира грозит наибольшая опасность опустошения. Все, что мы создали, все, ради чего мы трудились, — все будет уничтожено... Обе наши страны захвачены зловещим и опасным циклом, в котором подозрения на одной стороне порождают подозрения на другой, а в ответ на новое оружие создается контроружие.

Короче говоря, как Соединенные Штаты и их союзники, так и Советский Союз и его союзники взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и в прекращении гонки вооружений».

Джон Кеннеди хотел получить свободу маневра, чтобы укрепить тылы, замазать появляющиеся социальные трещины (бурный рост негритянского движения) и уж после такого мелкого и среднего ремонта ставить вопрос «кто кого?» в более активную плоскость. А пока что решать этот вопрос администрация Кеннеди предпочитала на рельсах экономики и идеологии. Однако тридцать пятому президенту Соединенных Штатов не позволили даже этого. На его пути стеной встали все до единой ультраправые группировки Америки и, что самое главное, военно-промышленный комплекс. Ведь в случае ослабления «холодной войны» перед ним неизбежно вставал вопрос о сокращении гонки вооружений, уменьшении прибылей и, что не менее важно, о сокращении объема его реальной власти.

Исход борьбы известен: американский империализм по злой иронии его исторической судьбы уничтожил своего самого дальновидного послевоенного капитана.

Преемника Кеннеди Линдона Джонсона с легкой руки прозорливого журналистского барда американского империализма Уолтера Липпмана называли «разношенным башмаком». Он был очень удобен для всех, этот «наш славный Линдон». Под «всеми» имелся в виду все тот же военно-промышленный комплекс. Вьетнамская война обошлась Америке в сто пятьдесят миллиардов долларов. Комплекс процветал и самоопылялся. Родной штат Джонсона — Техас неусыпными заботами нового президента по объему военных заказов передвинулся за годы его правления с одиннадцатого на третье место в стране. Однако прежде всего «золотой дождь» военных заказов сыпался на Калифорнию, где местная верхушка набирала силы и самоутверждалась в ярости обогащения на военном бизнесе. Трезвые круги американского капитализма в основном отмалчивались: ярлыки «предателей» и «антипатриотов» наклеивались в те годы налево и направо.

Милитаризация американского мышления в первые годы вьетнамской войны шагнула еще дальше.

Впервые после Хиросимы и Нагасаки в стране раздался публичный призыв повторить трагедии этих городов во Вьетнаме. С ним тогда, в шестьдесят седьмом году, выступил не министр или сенатор. И пока еще не президент. Некий американский литератор Ричард Трегаскис в открытом письме призвал Линдона Джонсона сбросить на Хайфон одну-две водородные бомбы. Я никогда не читал книг Трегаскиса, но это его письмо помню дословно: «Я предлагаю это, поскольку такой метод обеспечивает максимальный эффект и порождает огромное уважение к Соединенным Штатам: положить конец войне и продемонстрировать не только нашу огромную силу, но и наше уважение к правам человека». Вот так-то!

Линдон Джонсон не сразу откликнулся на обращение цивилизованного каннибала. Только позднее, когда «грязная война» зашла в тупик, он однажды доверительно поделился с парой придворных корреспондентов, что видел минувшей ночью «ужасный сон», как ему пришлось отдать приказ применить во Вьетнаме ядерное оружие. Американские газеты тут же в спокойной деловой манере рассказали читателям про сон президента. В самом деле, ну, приснилось человеку. Ничего особенного.

Помню, я тогда же спросил знакомого американского обозревателя «из либералов»: почему, каким образом в Америке стала допустимой антимораль, подобная каннибальским призывам Трегаскиса и «ядерным» снам президента?

Мой собеседник снисходительно усмехнулся: вот, мол, чудак, простых вещей не понимает. Потом сказал:

— Да это Джонсон на вьетнамцев давил, чтоб они уступали на мирных переговорах. Конечно, глупо давил, ведь там слишком мала территория и радиация сразу может распространиться на наших собственных солдат. Вьетнамцы это тоже понимают...

Он просто не понял сути вопроса, мой знакомый заокеанский либерал!

Именно при Линдоне Джонсоне страна еще больше уверовала в свою способность обеспечить и пушки и масло в неограниченных количествах. Политическая программа «великого техасца» самоуверенно обещала построить «великое общество» (недаром смеются в Америке: «В Техасе все самое большое»). В поддержку таких настроений высказывались и многие достаточно известные ученые-экономисты. Печать охотно предоставляла им свои страницы, телевидение — экраны. Суть рассуждений сводилась к одной главной мысли: военные расходы, гонка вооружений благотворно влияют на уровень экономической активности в Соединенных Штатах. В доказательство приводились разные на первый взгляд убедительные аргументы. Например, такой: именно вторая мировая война с ее милитаризацией американской экономики помогла нации выйти из экономического кризиса «голодных тридцатых», снизить до несущее-

ственного уровня безработицу и с тех пор оберегает от нового серьезного кризиса.

Этому верили. Особенно в районах сосредоточения военной промышленности. «Грязную войну» ругали за безысходность, за «отсутствие света в конце туннеля». Но в необходимости сохранить уровень военного производства после желанного конца вьетнамской войны убеждены были крепко.

Так что, когда профессор Колумбийского университета Сеймур Мелман в 1975 году выступил с предупреждением о том, что военно-промышленный комплекс подобно раковой опухоли медленно, но верно поедает живые ткани американского капиталистического организма, от него просто отмахнулись. Умный профессор продолжал настаивать: «В условиях военной экономики целые отрасли промышленности и районы, специализирующиеся на военном производстве, поставлены в паразитические экономические отношения с гражданской экономикой, за счет которой они существуют, но в которую (экономически) они вкладывают совсем немного или вообще ничего».

На Мелмана (и его единомышленников) прикрикнули. Помню выступление одного из еженедельников («Тайма» или «Ньюсуика»): «Может ли нормальный человек рыдать в три ручья из-за воображаемых грядущих несчастий и не замечать, как вокруг гремят оркестры процветания?»

Не думаю, что в нашем путешествии нам нужно делать специальную остановку на годах завершения «грязной войны». Завершенную полным крахом агрессора. Все это достаточно широко известно и еще свежо в памяти. Известен и невиданно широкий размах в начале семидесятых годов антивоенного движения в самой Америке. Вот когда за океаном во весь голос заговорили о предостережении Эйзенхауэра. Будто из рога изобилия, посыпались на страницы газет и журналов свежие цифры и факты о военно-промышленном комплексе, его влиянии, его конкретных представителях в высшем законодательном органе страны — конгрессе. Гроздя гнева зрели в негритянских гетто. Бурлило студенчество. Уже начали раздаваться первые выстрелы американских солдат в самой Америке по своим же американским парням и девушкам.

Но живуч и гибок современный капитализм. Велико его мастерство управления людской массой. И вот уже пошли разоблачения военщины, ее (только ее) вины в том, что нацию затащили «во вьетнамское болото». Да такие хлесткие разоблачения, что из Пентагона раздались оправдания. Генералы выступили со статьями, где говорилось: военные не принимают политических решений, и не они, а гражданское правительство поставило армии задачу — не допустить распространения коммунизма на Южный Вьетнам.

Заговорили и «голуби» из монополистической верхушки. Массовые

антивоенные факельные шествия в Нью-Йорке проходили с участием доброй половины обитателей Уолл-стрита — символа американского большого бизнеса. В новой обстановке эти «голуби» уже не боялись «ястребов» военно-промышленного комплекса. Пошли толки о том, выживет ли вообще капитализм, если продолжать «это безрассудство», «эту политику безрезультатного разбазаривания национально-го богатства». Обратите внимание, читатель, не просто «разбазаривания», а только «безрезультатного разбазаривания».

В ходе этого вынужденного момента истины делалось великое множество откровенных признаний, тоже вынужденных: комплекс нужно было хоть немного осадить, остановить его пагубное действие, угрожавшее разрушить систему. Именно такая перспектива, а не сам по себе позор поражения беспокоил «голубей» из большого бизнеса.

— Выживет ли капитализм? — С таким вопросом японский журналист Кен Кондо еще в начале семидесятых годов обратился к американскому сверхбанкиру Дэвиду Рокфеллеру.

— Мы этого, в сущности, не знаем, — ответил г-н Рокфеллер. — Нет сомнения в том, что марксизм имеет большую привлекательность для народа. Он провозглашает, что всюду должно быть совершенно равное распределение ресурсов мира, а это довольно привлекательно для всех.

Дальнейшие рассуждения Рокфеллера на заданную журналистом тему, коротко говоря, сводились к следующему: для выживания капитализму надо бы найти такую формулу, где «система свободного предпринимательства» в приемлемых для нее размерах и формах попыталась бы обеспечить «большее равенство в распределении доходов».

Так успокаивали нацию. На разбушевавшиеся волны массового недовольства капитализмом (и где? В самой его цитадели!) усиленно, наподобие средневековым морякам, выливали из всех пропагандистских бочек вяжущий порошок — обильность словесный жир.

Наступило долгожданное для нас время, когда слова «мирное сосуществование» появились в политическом словаре тридцать седьмого президента Соединенных Штатов Ричарда Никсона. В ходе первого в истории визита американского президента в Советский Союз тот же Никсон произнес в Кремле, где над резиденцией гостя на дни визита рядом с советским флагом действительно развевался звездно-полосатый «старз энд страйпз»: единственный путь войти в Москву — это войти в нее с миром. (Помните, читатель, обложку послевоенного «Колльерса»?) Короче говоря, военно-промышленный комплекс заставили отступить. На какое-то время. Люди доброй воли во всем мире торжествовали.

Ричард Никсон вернулся из Москвы, где он и Леонид Ильич Брежнев подписали важнейшие советско-американские документы, оформляющие процесс международной (и прежде всего советско-американской) разрядки, включая договор об ограничении стратегиче-

ских ядерных вооружений. Президент счел необходимым объяснить стране и конгрессу причины и своего визита в Советский Союз и подписания им там советско-американских соглашений. Это была весьма примечательная речь. «У двух ядерных держав,— сказал Никсон,— каждая из которых располагает достаточной мощностью для уничтожения человечества, нет иного выбора, кроме мирного сосуществования, поскольку в ядерной войне не было бы победителей, были бы лишь побежденные... Принципы, согласованные нами в Москве, подобны дорожной карте. Теперь, когда эта карта составлена, соблюдение маршрута будет зависеть от каждой из стран. Соединенные Штаты намерены придерживаться этих принципов. Руководители СССР высказали аналогичное намерение».

Об экономической пагубности гонки вооружений для Соединенных Штатов президент предпочел не говорить. Хотя к тому времени «пессимизм» профессора Мелмана начали разделять гораздо больше американцев. Те, кого извечная «крысиная гонка» все же не смогла приручить ограничивать свои размышления лишь тем, о чем сообщали аршинные заголовки газет и отлично срежиссированные выпуски телевизионных новостей.

А газеты и телевидение в ту пору больше всего кричали об уотергейтском скандале. Конечно, это тема особая. Останавливаться на ней мы не будем. Скажу только: лично автор убежден в том, что мир знает далеко не всю подоплеку Уотергейта. Какую роль сыграл в нем военно-промышленный комплекс? Не причастен ли он к регулярной утечке информации о действиях Никсона и его помощников, приведших к скандалу? В конце концов, как теперь пишет та же американская пресса, и до Никсона все президенты нашего электронного века в борьбе за власть имели свои нераскрытые уотергейты. Кто же и почему помог так драматически поймав с полчищем «скользкого Дика»? И не просто поймав, а постоянно, вплоть до позорной отставки Никсона подбрасывать в будущее пламя национальных страстей абсолютно достоверную и совершенно секретную информацию чуть ли не из его кабинета в Белом доме?

Но об этом как-нибудь в другой раз. Скороговоркой здесь не получится.

Остановка пятая. Бесплатных завтраков не бывает...

Американцы — люди весьма практичные. Арифметика у них в почете. Там отлично умеют заранее подсчитать не только ожидаемые прибыли, но и возможные убытки. Причем последние обычно прикидывают по худшему варианту.

Но вот удивительно: официальные американские оценки того, способна ли их экономика десятилетиями совершенно безнаказанно выдерживать гонку вооружений, неизменно были оп-

тимистичными. Между тем я глубоко убежден, что осторожно сформулированное предупреждение Эйзенхауэра насчет опасностей, которые несет с собой чрезмерное влияние военно-промышленного комплекса, главным образом касалось именно экономической стороны дела. Аик ведь говорил и о необходимости «сохранить равновесие в национальных программах и между ними». Отсутствие здравого смысла, предупреждал он, «в конце концов нарушит равновесие и вызовет крушение планов». «Мы не можем проакладывать материальные ценности наших внуков... — специально подчеркнул президент. — Мы хотим, чтобы демократия (разумеется, на американский манер. — М. С.) сохранилась для будущих поколений, а не превратилась в несостоятельный призрак завтрашнего дня».

Как-то прочитал я эти слова из прощального послания президента, сказанные в январе шестьдесят первого одному приятелю, активно интересующемуся Соединенными Штатами. Тот удивился:

— Разве Эйзенхауэр так говорил?

— Говорил! Могу стенограмму показать...

— А чего же тогда мало кто на это внимание обратил? Политики, печать?..

Стал я ему объяснять настроения тех лет у имущих слоев Америки: самодовольство, уверенность в безграничности национальных возможностей, ярость обогащения. В большом ходу была жаргонная фраза «делать быстрые доллары». Наверное, потому Аик и осторожничал, говорил «с языком за щекой». Он-то все же сумел со своей президентской вышки заглянуть вперед и приздуматься. Иначе бы, как мне кажется, не сказал того, что сказал. Приняли бы его всерьез, заговори он прямо, в лоб? Не знаю, не уверен.

«Всемогущая и всеведущая» американская пресса истолковала прощальное послание Эйзенхауэра только в плане политической опасности союза бизнеса и военщины. О возможных серьезных экономических последствиях гонки вооружений для Америки тогда мало кто задумывался. А вот идея разорить нас непомерными расходами на оборону, подчинив таким образом своему диктату, тогда уже родилась. Ее рьяный поборник Пол Нитце занял вскоре в правительстве Кеннеди важный пост. Кстати, именно его Рейган назначил главой американской делегации на переговорах с нами по ОСВ в Женеве. Идею начали рекламировать в газетах примерно так: хорошо бы постоянно наращивать наши расходы на военные нужды; русские будут вынуждены сделать то же самое и больше пяти лет такого соревнования не выдержат — рухнут.

Шли годы, десятилетия. К началу семидесятых за океаном стали задумываться над тем, какие же конкретные выгоды американскому капитализму принесла политика воинствующего антикоммунизма и стремление любой ценой возможно быстрее обеспечить себе мировое господство. В вашингтонских коридорах власти начали задавать себе

вопрос: а не ведет ли растрата огромной части национальных ресурсов на гонку вооружений и военные авантюры вроде вьетнамской к постепенной потере экономического и политического влияния Соединенных Штатов в капиталистическом мире, к ослаблению их позиций в конкурентной борьбе с другими капиталистическими державами?

Таков был один из главных уроков «грязной войны». Был и другой урок: Советский Союз вопреки прогнозам Пола Нитце и его единомышленников из военно-промышленного комплекса твердо стоял на ногах и рухнуть не собирался.

Вот к этим-то объективным реальностям независимо от того, нравились они правящим кругам Америки или нет, Вашингтон и вынужден был приспосабливать свою дальнейшую политику, переводя решение вопроса «кто кого?» с военных рельсов в область экономики и идеологии. Такова предыстория и визита Ричарда Никсона в Москву и его миротворческих речей.

Между тем на поверхность начали всплывать еще более тревожные в перспективе результаты всего послевоенного курса американского империализма. Какие?

В Америке справедливо говорят: бесплатных завтраков не бывает. Так или иначе, но кто-то должен за этот завтрак заплатить. Это только в сказках щелкнет герой пальцами или скажет какое-нибудь волшебное слово, и перед ними из ничего является скатерть-самобранка с роскошными заморскими яствами.

Экономика Соединенных Штатов вплоть до начала семидесятых годов в общем и целом выдерживала гонку вооружений более или менее спокойно, без особо острых сигналов тревоги.

Это относительное спокойствие долгие годы обеспечивала весьма серьезная материальная база. Ее составными частями были не только исключительно высокая производительность труда и научно-технический прогресс первых послевоенных десятилетий. Огромную роль играли также прибыли, получаемые американскими монополиями от грабежа природных ресурсов слаборазвитых стран и жестокой эксплуатации их народов. Например, Венесуэлы, откуда за 1950—1964 годы заокеанские концерны перевели в банки США шесть миллиардов долларов «своих» прибылей.

Однако бездонных бочек не существует, как не существует и бесплатных завтраков. Общая стоимость усилий американского империализма по обеспечению мирового господства к концу шестидесятых годов стала перевешивать выгоды, извлекаемые Америкой из созданной ею имперской системы. Этому способствовал ряд объективных факторов, и прежде всего изнанка гонки вооружений. Обнаружилось: огромные военные расходы, их первоочередность в политике государства действительно приносили быстрые и гарантированные прибыли монополиям, занятым главным образом производ-

ством вооружений. Ну и, конечно, как мы уже видели, такая политика обеспечивала довольно высокий уровень жизни и каждому пятому работающему американцу, чье каждодневное бытие было так или иначе связано с военным бизнесом. Каждому пятому, но не остальным четверем!

Обнаружилось и другое: те же самые усилия империализма медленно, но верно оказывали пагубное влияние на американскую экономику в остальных (и более многочисленных) ее секторах, не связанных с военным производством. Как говорят в Техасе: «Что одному — бифштекс, другому — яд». Впрочем, поговорки поговорками, а мы с вами, читатель, давайте займемся конкретными цифрами и фактами.

Сразу после окончания второй мировой войны (как и в ее завершающий период) Соединенные Штаты провели широкий захват внешних рынков в капиталистическом мире. К 1947 году они сумели обеспечить себе около трети (32 процента) всего капиталистического рынка. Америка славилась не только добротностью и надежностью своих товаров, но также солидным превосходством в технологии производства, новизне оборудования и, следовательно, конкурентоспособными ценами. Большой спрос именно на американскую продукцию существовал еще и потому, что в те первые послевоенные годы другие крупные капиталистические регионы — Западная Европа и Япония — были пока еще не в состоянии удовлетворять внешние рынки вообще.

Десятилетия гонки вооружений привели к ослаблению американских усилий в научно-исследовательских работах по усовершенствованию технологии производства в гражданских отраслях промышленности: из каждого доллара, ассигнуемого на эти цели, три четверти забирал себе военно-промышленный комплекс. Это прежде всего сказалось на темпах обновления парка станков, прочего производственного оборудования и, естественно, на конкурентной способности американских товаров. В итоге к началу 1973 года доля Соединенных Штатов в общем экспорте стран капиталистического мира снизилась почти в три раза (с 32 до 11,9 процента). Бывший председатель правления крупнейшего в мире капитализма банка «Банк оф Америка» Л. Лэндборг сказал тогда же по этому поводу: «Если вы хотите получать прибыли, если вы хотите, чтобы мир был ваш, не растрачивайте энергию в бесполезных военных предприятиях — следуйте примеру Японии и Германии после второй мировой войны и будьте агрессивны экономически».

От Лэндборга самоуверенно («Мы самые богатые и самые сильные») отмахнулись так же, как отмахнулись и от уже знакомого нам профессора Сеймура Мелмана. В качестве лекарства снова была прописана та же гонка вооружений. За годы президентства Джимми Картера расходы на военные нужды увеличились больше чем вдвое.

Процесс разрядки был резко заторможен. Сенатор Эдвард Кеннеди посетовал в речи перед студентами: «Давайте составлять планы на будущее, а не планы военных действий».

Военно-промышленный комплекс торжествовал. Его линия на силовое противоборство теперь уже не только с миром социализма, но все больше (в экономике) и со своими партнерами-конкурентами — Западной Европой и Японией — снова стала определяющей в Вашингтоне.

Тем временем объективные законы исторического развития преподнесли Соединенным Штатам еще один закономерный сюрприз. Речь идет о свободе доступа к источникам минерального сырья. Конечно, обеспеченность таким сырьем в самих Соединенных Штатах всегда была гораздо выше, чем в любой другой развитой капиталистической стране. Однако в ходе послевоенной экспансии на внешние рынки американские монополии обнаружили, что гораздо дешевле (почти даром) необходимое сырье можно было добывать на африканском и азиатском континентах. Это сказалось на темпах добычи минерального сырья в самой Америке: удельный вес продукции американской добывающей промышленности в самих Соединенных Штатах в валовом национальном продукте за период между пятидесятью и семьдесят восьмью годами снизился ровно в два раза. На сегодняшний день из девяноста пяти видов необходимого промышленного сырья Америка ввозит шестьдесят восемь!

Вот конкретные примеры. Соединенные Штаты ввозят из развивающихся стран 98 процентов всего необходимого их промышленности марганца, 97 процентов кобальта, 92 процента хрома, 91 процент платины и родственных металлов, 85 процентов бокситов и глинозема, 81 процент олова, 77 процентов никеля, 62 процента цинка, 50 процентов вольфрама.

Между тем к семидесятым годам уменьшились — хотя, конечно, отнюдь не прекратились — размеры послевоенного ограбления монополиями Соединенных Штатов стран бывшего колониального и полуколониального мира. Это произошло в результате заметных социальных сдвигов в этих странах, в результате послевоенного подъема национально-освободительного движения. Попросту говоря, заокеанский монополистический спрут уже не мог высасывать из Азии, Африки, Латинской Америки столь чудовищное количество сверхприбылей, как он делал это все предыдущие послевоенные годы. В частности, заметно выросли цены на сырье, ужесточились местные законы, ограничившие безраздельное прежде хозяйничанье Америки в экономике этих регионов. Эти исторические процессы больно ударили в конечном счете по себестоимости промышленного производства в Соединенных Штатах и по конкурентоспособности американских товаров на внешних рынках, а значит, и по прибылям монополий. К 1980 году Соединенным Штатам (по сравнению

с 1970 годом) приходилось продавать за границу на пятьдесят шесть экспортных единиц продукции больше, чтобы оплатить то же, что и в 1970 году, количество единиц своего импорта. Разумеется, такая ситуация прежде всего и больше всего ударила по мирным отраслям американской промышленности, поскольку военные отрасли практически находились на содержании государства.

В конечном же счете все эти процессы привели и еще будут приводить к ослаблению мировых экономических позиций Америки. Вот цифры. В 1950 году США занимали первое место в мире по производству станков. На их долю приходилось сорок семь процентов мировой выплавки стали, семьдесят шесть процентов производства автомобилей. Но уже к 1970 году они давали лишь двадцать процентов мировой выплавки стали, всего одну треть мирового же выпуска автомобилей, а по производству станков оказались на третьем месте. К 1980 году Америка по производству автомобилей оказалась на третьем месте. Она занимала теперь уже не первое, как прежде, место по размерам валового национального продукта на душу населения, а седьмое. По уровню жизни в капиталистическом мире Америка сегодня на десятом месте!

И, наконец, о росте производительности труда. В начале шестидесятых он составлял три процента ежегодно. В конце семидесятых — всего три десятых процента в год. Для сравнения скажу, что в ФРГ и Франции в конце тех же семидесятых ежегодный рост производительности труда был соответственно в пятнадцать и десять раз больше.

В общем, к началу восьмидесятых годов сложилась довольно парадоксальная ситуация: Вашингтон продолжал претендовать на руководящую роль в капиталистическом мире, хотя претензии эти уже не подкреплялись реальными экономическими позициями Соединенных Штатов. Они опирались теперь только на американскую военную машину.

К концу семидесятых годов среди американских предпринимателей, не только крупных и средних, но и мелких, созрело острое недовольство государственно-монополистическим регулированием экономики Соединенных Штатов. Такое регулирование постепенно вошло там в систему еще со времен «голодных тридцатых» и президентства Франклина Рузвельта. Буржуазный костяк нации, считавший себя солью земли, был настроен против системы, которая не могла справиться с экономическими проблемами и привела к застою и упадку в гражданских отраслях промышленности, ранее процветавших.

Однако своим острием недовольство отнюдь не было направлено против военно-промышленного комплекса. Этого не позволял сделать страх за судьбы капитализма (все тот же: «Русские идут!»), превратившийся за годы «холодной войны» почти в безусловный рефлекс. Во

всех своих бедах Америка прежде всего винила «этих коварных русских» или «эти безбожные Советы». Уныние и растерянность охватили и какую-то часть либеральной интеллигенции. В этом я, как и другие участники традиционной встречи советских и американских писателей, имел возможность убедиться весьма наглядно.

Во встрече (она проходила летом 1982 года в Киеве) принимал участие известный американский историк Артур Шлезингер-младший. Высокообразованный, я бы сказал, блестящий представитель заокеанской профессуры написал немало умных и интересных книг. Самая яркая из них — «Тысяча дней» — посвящена президентству Джона Кеннеди, при ком г-н Шлезингер состоял в должности специального помощника. Помню, как в ту пору вашингтонские журналисты рассказывали, что Кеннеди, характеризуя Шлезингера, сказал однажды: «Если мне нужны идеи, причем трезвые идеи, я поручаю это прежде всего Артуру».

Сами понимаете, как интересно было встретить двадцать лет спустя человека, с сочувствием написавшего свою книгу о «непонятом президенте», его попытках покончить с «холодной войной» и договориться с Советским Союзом.

Однако в Киеве г-н Шлезингер удивил меня своим выступлением по вопросу о том, быть или не быть миру между нашими странами. Правила, принятые на этих встречах, не разрешают их участникам цитировать друг друга в печати. Поэтому изложу только смысл высказываний профессора: что же, мол, вы (то есть мы) ругаете Рейгана, если Советский Союз уже шестьдесят лет призывает к мировой революции (?!), а теперь, когда Рейган угрожает вам мировой контрреволюцией, всем вокруг это почему-то не нравится.

Сразу же добавлю: мысли г-на Шлезингера изложены здесь в несколько смягченной форме. Слушая его, я почему-то вспомнил — кого бы вы думали? — Барни Кейпхарта, вашингтонский пресс-клуб и драку в субботний вечер. Природу довольно примитивного Барни было не так уж трудно понять. Но как объяснить позицию образованнейшего профессора? Откуда и почему она возникла?

Другой американский участник встречи, кстати сказать, не одобрявший выступления профессора, объяснил: если либерал очень хочет стать министром в будущем правительстве демократов, он не обязательно будет либеральным министром. И все-таки я не согласился с ним. Артур Шлезингер прекрасно знает нашу историю, классиков марксизма. Наверняка ему известно и то, что призывы к экспорту революции — любимое детище Троцкого — отвергнуты нашей партией, нашим народом еще в двадцатых годах. Зачем же тогда возводить напраслину?

Думаю, у него это от растерянности. Ну и, пожалуй, от тоски по лучшим временам для его Америки, от внутренней обиды за все ее

непрекращающиеся невзгоды. Во всяком случае, такое мнение сложилось у меня после разговора с самим профессором. Уже после киевской встречи я прочитал в «Вашингтон пост» такие строчки: «Америка, чрезвычайно быстро продвинувшись от изоляции к гегемонии, обнаруживает, что ей трудно приспособиться к более нормальным условиям равенства как с Россией, так и в экономическом отношении с Европой и Японией».

Правое крыло республиканской партии, поддержанное всей мощью военно-промышленного комплекса, в ходе президентских выборов осенью 1980 года самым активным образом использовало подобные чувства и настроения. Предвыборные выступления ее кандидата в президенты разжигали недовольство системой с помощью лозунга о необходимости «сократить пагубное вмешательство правительства во внутреннюю жизнь страны». Был и другой лозунг, адресованный растерявшимся: «Америка должна любой ценой и как можно скорее вернуть себе утраченное руководство мировыми делами».

Лозунги сработали. 20 января 1981 года в Белый дом вселился новый хозяин — бывший голливудский киноактер, бывший губернатор Калифорнии, чрезвычайный и полномочный представитель самой яростной — калифорнийской — финансово-промышленной группировки Рональд Рейган.

Остановка шестая. Откровенный разговор

Ну вот, наконец-то мы с вами, читатель, добрались до остановки, посвященной г-ну Рейгану и его команде. Не буду здесь повторять то, о чем каждый день пишут газеты и показывает в репортажах из-за океана телевидение — новый беспрецедентный виток гонки вооружений. И, как следствие, катастрофический рост безработицы, волна банкротств мелких фирм и предприятий, резкое сокращение ассигнований на социальные нужды. Все это достаточно хорошо известно. Как говаривал еще Авраам Линкольн: «Бойтесь людей, объясняющих obviousные вещи».

На предыдущих остановках наш разговор касался некоторых главных — объективных — причин нынешнего американского курса, внутреннего и внешнего. Настало время упомянуть и о причинах, так сказать, субъективных.

Линдону Джонсону очень нравилось, когда американская пресса называла его «великий техасец». Случалось такое в первые годы его правления. Кончил сей президент, однако, плачевно: «великого сына» заставила отказаться от выдвижения его кандидатуры на второй срок собственная — демократическая — партия. Рональда Рейгана газеты нет-нет да и называют «истинный сын Калифорнии». Как его будут называть к концу пребывания в Белом доме и каким будет этот конец, гадать не стану — несерьезное занятие. Поживем, увидим...

А пока что познакомимся с конкретным образом мыслей тех, кто уже пятый год находится у государственного кормила Соединенных Штатов. Откуда и каким образом сформировались их взгляды на политику, на то, как должна жить дальше Америка?

Самым значительным экономическим событием в истории Калифорнии была совсем не «золотая лихорадка» 1848 года, когда туда устремились тысячи золотоискателей из всех других штатов. И не строительство трансконтинентальной железной дороги в 1869 году, связавшей западное побережье Соединенных Штатов с восточным. Самым важным экономическим событием в жизни Калифорнии была... вторая мировая война. Именно она послужила мощным трамплином для невиданного (по темпам) рывка этого штата на авансцену американской экономической, а позднее и политической жизни. Рывок привел к такой односторонности развития, что американцы давно уже говорят: «В Калифорнии все просто перекошено, а люди ходят вверх ногами».

Но давайте по порядку. Сразу после нападения Японии на Соединенные Штаты в декабре сорок первого Калифорния быстро стала тыловой базой войны на Тихом океане. Это было вполне закономерно: во-первых, географическое положение, во-вторых, климат — идеальный и для обучения войск и для испытаний боевых самолетов. Здесь уже имелись авиазаводы и судверфи, так что именно сюда в те военные годы впервые хлынул поток военных заказов. Если в 1940 году федеральное правительство израсходовало в штате всего двести семьдесят восемь миллионов долларов, то к победному сорок пятому оно вложило туда уже тридцать пять миллиардов!

К концу войны Калифорния стала центром американской авиапромышленности и продолжает оставаться им по сей день. Позднее добавились ракетная и связанная с ней электронная. Молодые ракетные концерны благодаря щедрым правительственным контрактам росли под здешним солншком, как грибы после теплого дождика. Помогало этому в известной степени и то, что Калифорния никогда раньше не имела собственной серьезной промышленности, такой, как автомобильная или сталеплавильная.

В начале шестидесятых годов в шести основных промышленных городах штата — Лос-Анджелес, Сакраменто, Сан-Бернардино, Риверсайд, Сан-Диего и Сан-Хосе — сосредоточилось сорок процентов всей рабочей силы, занятой в военной промышленности страны.

Через двадцать лет после конца войны шесть из каждых десяти рабочих мест в Калифорнии находилось в прямой зависимости от объема и непрерывности потока военных заказов! Именно поэтому здесь самый высокий уровень жизни в Америке, точнее говоря, в Америке белых. Уверенные, стабильные заработки и у калифорнийцев, занятых (в широком смысле) в секторе обслуживания: покупатель несет к ним свои деньги, заработанные, прямо скажем, нелегким

трудом в военных концернах, трудом на благо «холодной», а если уж так случится, то и «горячей» войны. Деньги ведь не пахнут. И образуются незримые, но прочные связи. В их основе уже не просто классическая схема «товар — деньги — товар», но и общность конечного интереса — сохранить собственное процветание хотя бы таким, каким оно было вчера и позавчера и какое оно есть сегодня. В этой сверхзадаче в Калифорнии заинтересовано (не только прямо, но и косвенно) значительно больше, чем шесть из каждых десяти работающих. Тем более что изменить существующий порядок вещей они, если даже захотели бы, не смогут. Не от них это зависит. Они ведь всего лишь соучастники (и далеко не главные) системы, которую им не дано выбирать, так же как детям не дано выбирать родителей. Впрочем, это не меняет сути: Калифорния расцвела и процветает в основе своей на дрожжах гонки вооружений.

Все эти процессы достигли своего пика на юге штата, в графстве Лос-Анджелес. Думаю, совсем не случайно именно здесь находится самый влиятельный мозговой трест военно-промышленного комплекса — известная всему миру «Рэнд корпорейшн»: на родном поле играть всегда легче. В графстве, население которого давно перевалило за восемь миллионов, самая высокая концентрация военной промышленности. И соответственно самый высокий уровень жизни. Два-три автомобиля на семью, за сотню тысяч домашних бассейнов, сто двадцать пять тысяч морских яхт.

Быстрое развитие и многолетнее процветание не могло не породить безграничного чувства уверенности в себе, своих силах, своей мудрости, наконец, в своем превосходстве над другими, а значит, и в «праве на руководство». И, нарастив экономические мускулы, самая молодая, самая динамичная и самая агрессивная калифорнийская группировка потребовала для себя политической власти в национальных масштабах.

Рональда Рейгана и его наиболее доверенных помощников и советников, задающих тон в нынешней администрации, выпестовало, политически сформировало и, выбрав благоприятный момент, благословило на Белый дом прежде всего графство Лос-Анджелес со всеми его перекосами в экономическом и духовном развитии, этот эпицентр ультраправых организаций Америки, родина «крестоносцев XX века». Здравый смысл, чувство реального — все это у них заслонено зоологическим антикоммунизмом. Безграничная самоуверенность силы породила циничную откровенность, с которой они заявляли миру о своих намерениях, не видя в этом никакого вреда для себя. Например, о таком: Советскому Союзу придется либо изменить свою систему, либо воевать. Они абсолютно уверены, что в ядерной войне можно (и нужно) победить. Чудовищные жертвы? Всеобщее разрушение? Послушайте, что ответил, когда его утверждали в конгрессе на

должность директора агентства по контролю над вооружениями и разоружению, Юджин Ростоу. Уцелеет ли страна в случае обмена ядерными ударами с Советским Союзом, спросил его сенатор Пелл.

— Род человеческий очень живуч, сенатор,— совершенно спокойно заявил г-н Ростоу. Позднее рейгановцы провели подсчет возможных потерь, не преминув высказать и свое отношение к ним. Американские газеты напечатали отчет об одном из совещаний в Пентагоне, на котором высокопоставленный пентагоновец выразил недоумение: чего, собственно, в Штатах и в Европе чрезмерно волнуются о последствиях ядерной войны, если «в действительности погибнет всего лишь пятьсот миллионов человек»! Он так и сказал, этот не названный, к сожалению, газетами апостол «свободы и демократии»!

Американский журналист Роберт Шиэр спросил у чиновника Федерального агентства по управлению страной в кризисных ситуациях: уцелеет ли американское общество в случае тотальной ядерной войны с Советским Союзом? И получил такой ответ: «Как я обычно говорю, муравьи в конце концов построят новый муравейник». Шиэр ужаснулся услышанному и (видимо, решив, что чиновник несет отсебятину) задал тот же вопрос Рональду Рейгану. И президент ответил: «Уцелеет только некоторая часть нашего населения и некоторая часть объектов, но можно будет начать все сначала».

Иногда мне приходилось слышать от знакомых американцев, очень остро переживающих приход к власти Рейгана и его команды, такие наивные слова: «Эти люди не ведают, что творят». Ведают! Все они ведают. Заправили графства Лос-Анджелес, впервые оказавшись на вершине американской политической пирамиды, употребляют, по сути дела, те же жесткие методы и аморальные решения, к которым они привыкли в своей упорной и энергичной борьбе за первое место для калифорнийской финансово-промышленной группировки. Они уверены, что надолго, если не навсегда, обеспечили себе это первое место в американском масштабе. На очереди масштаб всемирный.

Я пишу обо всем этом прямо и откровенно. Иначе сейчас нельзя. Не то время. Мое поколение хорошо помнит, как в первые дни минувшей войны наши журналисты довольно наивно спрашивали первых пленных гитлеровцев, когда те говорили, что они из рабочих: как же вы могли согласиться участвовать в нападении на государство рабочих и крестьян? И получали в ответ: сдавайтесь или будете уничтожены. Такая наивность не может повториться. Слишком уж дорого она нам тогда обошлась.

Одиннадцать лет назад в моей книге, посвященной убийству Джона Кеннеди, говорилось: если силы, заявившие о себе выстрелами в Далласе, а потом в Мемфисе и Лос-Анджелесе, сумеют когда-нибудь взять верх в борьбе за власть в Америке, это может привести к самым серьезным последствиям для дела мира.

Такой вывод вызвал у некоторых из читавших рукопись сомнение: не слишком ли густо замешено на пессимизме? Что ж, природа подобных сомнений вполне понятна. В них повинно совершенно иное, чем в довоенной Германии, обличье крайних сил американской реакции. Они ведь выступали (и выступают) под знаменем защиты конституции и заветов отцов — основателей заокеанской республики, то есть всего того, что когда-то делало в глазах людей Америку «землей обетованной». И маскарад этот в сочетании с многолетним материальным и техническим прогрессом Соединенных Штатов по-прежнему сбивает с толку очень многих. Джинсы, современная популярная джазовая музыка и песни с их талантливыми исполнителями, лихие, захватывающие киноленты, современная молодежная мода — все эти, сами по себе совсем неплохие, достойные разумного подражания вещи пришли из Америки. Талантливый трудолюбивый народ, и вдруг — угроза фашизма. Не сходятся эти понятия. Как-то не совмещаются. Да и думать об этом невелика радость.

Между тем в самой Америке немало тех, кто давно боится прихода крайних сил реакции, борется против них в меру своего разумения и очень скромных возможностей. Помните Джима Гаррисона? Того самого отчаянного новоорлеанского прокурора, затеявшего в конце шестидесятых годов на свой страх и риск первое и последнее настоящее расследование причин и виновников убийства президента Кеннеди? Именно он, когда его начинание было тонко и умело сорвано, сказал в одном интервью:

— Это уже не сказочная страна Америка, в которую я некогда верил. Меня глубоко беспокоит тот факт, что мы в Америке стоим перед огромной опасностью постепенно превратиться в государство фашистского типа. Примеры тому я увидел в ходе ведения своего расследования. Это будет фашистское государство, отличное от германского варианта: их фашизм вырос из депрессии и обещаний хлеба и работы. Наш, как это ни странно, растет на базе процветания. Его возникновение берет начало в той чудовищной военной машине, которую мы создали с 1945 года, в том самом военно-промышленном комплексе, о существовании которого нас предупреждал Эйзенхауэр.

Конечно, вы не сможете проследить эту тенденцию к фашизации, если просто будете оглядываться вокруг. Вы не увидите таких знакомых по прошлому признаков фашизма, как свастика; потому что ее нет и не будет. Мы не станем строить свои «дахау» и «освенцимы»: хитрая манипуляция средствами массовой информации создает духовные концлагеря, которые обещают стать гораздо более эффективными в контроле за населением. Так что мы не проснемся в один прекрасный день и не обнаружим, что нам нужно отправляться на работу гусиным шагом да еще в серо-зеленой форме. Однако дело совсем не в этом. Процесс фашизации здесь куда более тонок, но

конечный его результат тот же самый. Фашизм приходит в Америку под флагом обеспечения национальной безопасности.

Трое американцев с промежутками примерно в десять лет дали схожую оценку возможному развитию своего общества, своей системы. Двое из них считали себя умеренными консерваторами. Третьего пресса Соединенных Штатов именует левым либералом. Давайте проследим за динамикой их оценок. Президент Дуайт Эйзенхауэр в конце пятидесятых предупредил об опасности для Америки, которую ей может принести, оставаясь бесконтрольным, военно-промышленный комплекс. Прокурор Джим Гаррисон в конце шестидесятых, ссылаясь на комплекс как на главную движущую силу, предупредил: Америке грозит превращение в государство фашистского типа. Писатель Гор Видал в начале восьмидесятых уверенно констатировал: «Мы давно уже оккупированы нашим собственным военно-промышленным комплексом».

Человечеству есть над чем призадуматься! В свое время один из родоначальников американского технического прогресса, Томас Алва Эдисон, писал: «Наступит день, когда наука породит машину или силу, столь страшную, столь беспредельно ужасающую, что даже человек — воинственное существо, обрушивающее мучения и смерть на других с риском принять мучения и смерть самому, содрогнется от страха и навсегда откажется от войны». Предсказание Эдисона сбылось только в части, касающейся науки, но не человека. Поэтому на самой заре ядерного века современник и соотечественник Эдисона президент Франклин Рузвельт предупреждал потомков: «Чтобы цивилизация уцелела, мы должны культивировать науку человеческих взаимоотношений, способность всех народов, самых разных, жить вместе в мире на одной земле».

Сегодняшняя Америка стоит у того самого порога, за которым вырисовываются четкие контуры фашизма. Она подошла к нему совсем не по доброй воле. Ее сыновьям и дочерям можно и посочувствовать: они лишь винтики той системы, чью зловещую деградацию мы с вами, читатель, попытались проследить в нашем путешествии.

И все же в Соединенных Штатах борьба развивается по восходящей линии. О ней свидетельствует та самая критика в адрес Рейгана, высказанная бывшими президентами и государственными секретарями, министрами и сенаторами, с упоминания о которых мы начали свое путешествие. За этой борьбой с симпатией и сочувствием следит все человечество. Следим и мы, люди мира социализма. Каждый день мы читаем в газетах о росте антивоенного движения и в Западной Европе и в самой Америке. В этой борьбе до победы еще далеко. Но некоторые успехи есть. В Западной Европе одним из основных поводов для тревоги называют «американскую агрессивную политику в отношении Советского Союза». Таков главный вывод широкого

опроса общественного мнения, проведенного в семи западноевропейских странах американской газетой «Интернэшнл геральд трибюн» совместно с Атлантическим институтом — частным исследовательским центром, находящимся в Париже.

Джозеф Крафт, один из ведущих вашингтонских политических обозревателей, журналист серьезный и, в общем, неплохо информированный. Прямо обвиняя президента и его министра обороны в том, что они «проталкивают программы, которые дадут нашей стране возможность начать ядерную войну», г-н Крафт еще в 1982 году писал: «Многие серьезные люди в подобных условиях не могут больше спокойно доверять американским руководителям контроль над ядерным оружием. Среди них — русские, китайцы, европейцы и даже американцы». Заметили, с какой осторожной оговоркой Джозеф Крафт включил в свой перечень «серьезных людей» американцев? Между тем вслед за этой его статьей с созвучными ей мыслями выступили на страницах «Нью-Йорк таймс» бывший министр обороны Кларк Клиффорд и даже бывший директор ЦРУ Уильям Колби.

Оппозиция задуманному и, скажем прямо, во многом осуществленному рейгановцами повороту в американской внешней политике не просто продолжалась, но набирала силу. И если на так называемых «промежуточных» выборах в конгресс США в 1982 году она не играла особой роли, то осенью 1984 года обстановка была иной. В ходе минувшей предвыборной кампании вопросы внешней политики, а точнее главный вопрос — «война или мир» — в отличие от традиционной американской практики, играли роль куда более важную. И не случайно заокеанская пресса, оценивая шансы Рейгана и его соперника Мондейла, неизменно подчеркивала: одним из наиболее уязвимых звеньев предвыборной платформы рейгановцев является тревога избирателей, вызванная тем, что республиканская администрация довела уровень отношений с Советским Союзом до крайне опасной черты.

Именно поэтому в ходе предвыборной кампании сам Рейган стал довольно активно уверять американцев в ...своем миролюбии. Вот лишь один пример того, как выступал (и продолжает выступать) президент: «В нашем подходе к переговорам ограничение опасности войны — и особенно ядерной войны — задача номер один. Ядерный конфликт может оказаться последним для человечества... Моя мечта (!) — увидеть тот день, когда ядерное оружие исчезнет с лица Земли».

...Знакомые американцы не раз за последние полтора года говорили мне: мы успокаиваем себя надеждой на здравый смысл своих соотечественников. Если оппозиция Рейгану с его внешней политикой охватит широкие слои нации, как имущие, так и неимущие, утверждали они, Белому дому придется отступить. В этом смысле Рейган, мол, тоже не исключение. Так что, заключали знакомые, все мало-помалу образуется и между нами и вами снова возникнет хотя

бы худой мир, который все-таки лучше любой доброй ядерной ссоры.

Каким все же может быть исход борьбы?

Из всего прочитанного на эту тему самой взвешенной и поэтому самой точной на сегодня мне представляется оценка нашего крупнейшего американиста — академика Георгия Арбатова. «Политика США, — писал он в «Правде», — будет... настолько безопасной (не только для нас, но и для самой Америки и ее союзников), насколько ей не позволят быть опасной. Не позволят экономические и политические реальности, политика других стран, здравый смысл американцев, стремление народов к самосохранению».

Итак, реальности. Политические и экономические. Каковы же они?

После финала очередных президентских выборов средства массовой информации и деятели обеих соперничавших партий, по традиции подводя итоги завершившегося действия, стремились извлечь уроки. На сей раз не с целью надавить на избирателя — это уже им ни к чему, — а скорее для того, чтобы как-то повлиять на будущее.

Характерная примета времени — многие американские газеты задаются при этом вопросом: насколько серьезно Белый дом намерен выполнять свои предвыборные обещания добиваться сокращения ядерных арсеналов, действительных мер по разоружению, нормализации отношений с внешним миром и прежде всего с Советским Союзом. Еще примета — за океаном куда с большей откровенностью, чем в прошлые годы шовинистического угара, подводятся реальные, а не воображаемые итоги «жесткого курса».

Вот ведь что написала недавно американская «Интернэшл геральд трибюн»: «Идеи в духе «жесткого курса», временами превращавшиеся в политическую линию при администрации Картера и обернувшиеся стратегическим «крестовым походом» при президенте Рейгане, дали результаты, обратные желаемым. За время, прошедшее с 70-х годов, ответной реакцией советского руководства была неуступчивая (принципиальная. — М. С.) политика на мировой арене и противодействие наращиванию американского военного потенциала и развертыванию ракет,

Вместо более надежной национальной безопасности действия американских поборников «жесткого курса» привели к тому, что безопасность в международном плане оказалась еще более подорванной.

Еще более неудачными оказались попытки апостолов «жесткого курса» вынудить советскую систему пойти на реформы (иными словами, отказаться от социализма. — М. С.) в результате беспощадной «холодной войны», включая безудержную гонку вооружений. У Соединенных Штатов нет ни достаточной мудрости, ни мощи, ни права для того, чтобы вмешиваться во внутреннюю политику русских. Поползновения в этом духе всегда будут приносить больше вреда, чем пользы.

Такие попытки обречены на неудачу частично потому, что в основе их лежит отчаянное «раздувание» внутренних трудностей Советского Союза. В действительности же эта система не переживает экономического кризиса, равно как не является нестабильной в политическом отношении».

О том же самом пишет и главный редактор крупнейшего американского политического еженедельного журнала «Тайм» Генри Грюнвальд. В его статье, озаглавленной «Рейган-2» (имеется в виду второй срок его президентства,— М. С.), прямо указывается, что ультраправые круги США, добиваясь своих целей в отношении Советского Союза, «переоценивают нашу волю и наши ресурсы». Вывод Грюнвальда: президенту придется несколько отойти от своих ультраправых друзей и сторонников.

Откуда вдруг столько здравого смысла у тех, кто еще совсем недавно поддерживал этот самый «жесткий курс»? Думаю, что львиная доля реализма диктуется прежде всего тем, что происходит с американской экономикой. Трезвые нотки прорезались даже у любимца Пентагона и крестного отца американских ультрареакционеров, небезызвестного Барри Голдуотера, который, как сообщает «Нью-Йорк таймс», выступает теперь за замораживание военного бюджета на уровне прошлого года и (подумать только!) за отказ от ракетной программы «МХ» с тем, чтобы можно было сократить бюджетный дефицит. «А когда говорит Барри,— многозначительно добавляет газета,— Рейган прислушивается».

Так или иначе, давайте познакомимся с некоторыми американскими же оценками экономических результатов четырехлетнего правления администрации Рейгана. Военные ассигнования в Соединенных Штатах увеличились со 146 миллиардов долларов в 1980 году до 265 миллиардов долларов в 1984 году. В итоге появился небывало чудовищный дефицит бюджета, который к концу прошлого года достиг 175 миллиардов долларов и, даже по официальным оценкам директора Административно-бюджетного управления США, может в 1984/85 финансовом году вырасти до 210 миллиардов долларов.

«Громадные бюджетные дефициты,— говорит бывший министр торговли США Питер Питерсон,— истощают сбережения страны. А это означает, что у нас мало что остается для капиталовложений в будущее Соединенных Штатов — фабрики, жилищное строительство, производство компьютеров. Это приводит к сокращению рабочих мест». Упор на военное производство уже привел и долго еще будет приводить к общему замедлению процесса модернизации традиционных отраслей гражданской промышленности США. Руководитель одной из крупных американских электронных фирм жалуется: «Все то, что мы в области электроники вложили в системы управления ракетой МХ, европейцы и японцы инвестировали в роботы и автоматизацию производственных процессов».

Результаты налицо: в конце 1981 года в Японии имелось в 15 (!) раз больше промышленных роботов, чем в Соединенных Штатах.

Рост бюджетного дефицита — это рост государственного долга. В последние годы зияющие дыры государственного бюджета в значительной мере затыкались привлечением в Америку иностранного капитала (для этого и установили небывало высокие проценты на вложенный капитал). Так, по данным министерства торговли США, иностранные капиталовложения в американскую экономику выросли со 174,5 млрд. долларов в 1973 году до 781,5 млрд. долларов к концу 1983 года. За один только 1983 год приток денег из-за границы составил 81,7 млрд. долларов. Полных данных за 1984 год пока не имеется. Есть лишь за три первых квартала — 62,3 млрд. долларов. Куда вкладываются эти гигантские суммы? Только чуть больше 15 процентов из них идут на покупку недвижимости и промышленных предприятий. Остальное поступает прямо в банки под высокие кредитные проценты. Однако этот спасительный источник капиталов, похоже, находится под угрозой.

Во всяком случае, сейчас даже финансовые деятели рейгановской администрации открыто заявляют: приток иностранных капиталов уже толкнул Соединенные Штаты в ряды должников, делая экономику уязвимой. В 1985 году США окажутся в долгу у остальной части мира впервые после окончания первой мировой войны!..

Не стану больше перегружать вас, уважаемый читатель, цифрами. Главное уже ясно. Недавно пять бывших министров финансов США опубликовали, собрав 600 подписей крупнейших представителей деловых и научных кругов страны, «Двухпартийное бюджетное обращение», в котором предупреждают: если нынешняя финансовая политика правительства будет продолжаться, под угрозой окажется «экономическое будущее и благополучие нашей страны». Судя по выступлению на аналогичную тему председателя Совета управляющих Федеральной резервной системы Пола Волкера, речь идет о том, что иностранные вкладчики капитала, потеряв доверие к стабильности американской экономики и американских финансов, могут начать изымать свои капиталы. Чем станет тогда расплачиваться Америка, если уже сейчас выплаты одних лишь процентов иностранным вкладчикам забирают значительную часть доходов страны.

Вот ведь чем на деле оборачивается для самой Америки «жесткий курс» Вашингтона!

...Я уже собрался было отнести эту рукопись в редакцию. Но в тот день у нас в Союзе писателей состоялась встреча с тремя немцами из ФРГ. Двое из них были собратьями по перу. Третий — государственный чиновник. Застольная беседа оказалась не только интересной, но прямо касалась темы нашего путешествия. Поэтому и решил о ней рассказать.

Нарочно не называю имен гостей, не в них дело. То, что они нам честно и откровенно сказали, к сожалению, достаточно прочно засело в головы многим западноевропейцам. И не только им...

Застолье еще только-только началось, а гости, решительно отодвинув в сторону стандартные и взаимные протокольные приятности, заговорили о том главном, что их заботило: состоится ли возврат к разрядке или всех нас ожидает нарастание конфронтации с весьма вероятным в таком случае прямым военным столкновением между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Конечно, в отношении нашей страны все это говорилось очень вежливо, я бы сказал даже элегантно. Однако сути такая элегантность не меняла.

Один из немцев, тот, что постарше, прямо спросил:

— Америка и Россия сегодня напоминают мне двух людей, которые стоят по колено в бензине и хвастаются друг перед другом, у кого в руках больше спичек. Что вы на это скажете?..

Нам, естественно, такое сравнение, несмотря на всю его образность, активно не понравилось. Очень уж много было в нем обидной неправды. Но мы все-таки сдержались и ответили так: бензина действительно вокруг много, и хорошо бы его откачать. Но как это сделать, если тот, кто стоит напротив нас, не только не хочет его откачивать, а, наоборот, все подливает и подливает. Да еще не перестает грозиться первым зажечь свою спичку. Что тут прикажете делать?

Тогда гости задали новый вопрос: а что, у вас разве нет своего военно-промышленного комплекса, который, как и его американский собрат, не желает разрядки и прекращения гонки вооружений?

Мы знали о твердых антивоенных взглядах наших гостей. И все же они своим последним вопросом прямо повторили тезис рейгановской пропаганды, один из самых ловких и, что греха таить, пока еще действенных. Хотя самого Рейгана и его политику ругали последними словами. Вот такая мешанина образовалась в головах этих вполне добропорядочных немцев из Дортмунда.

Сейчас, когда я пишу эти строчки, мне кажется, что, наверное, нам надо было ответить на их вопрос лучше, полнее, чем ответили. А ответили мы тогда примерно так. Скажите, спросили мы у гостей, кому у нас в Советском Союзе и чем конкретно может быть выгодна гонка вооружений? Существование американского военно-промышленного комплекса основано прежде всего на том, что кому-то конкретно, каким-то слоям общества такая политика выгодна экономически, поскольку приносит немалые прибыли. Но даже официальный Вашингтон признает, что для советской экономики гонка вооружений — тяжкое бремя, что именно без нее мы стали бы еще богаче и общий уровень и качество нашей жизни стали бы гораздо выше. Что хорошего может дать нам гонка вооружений? Стабильность трудоустройства? Она у нас и так есть. И всегда будет. Усиление

власти военных? Этого при нашей политической системе никогда не было и быть не может.

Конечно, у нас на американскую пропагандистскую удочку насчет «комплекса» поймаеть немногих. Другое дело — Запад. Там ведь о нас знают неизмеримо меньше, чем мы о них. Буржуазная пресса знакомит их в основном с нашими болячками. Мы же знаем о них не только плохое, но и много хорошего. Взять хотя бы литературу — западные писатели у нас издаются такими тиражами, которые им у себя дома и не снятся. А в той же Америке нас издают смехотворно мало и, следовательно, знают (кроме специалистов) не ахти как. Вернее, совсем не знают.

Так вот, подобная политическая уравниловка — у американцев военно-промышленный комплекс, а у русских такой же, если не хуже, — путает людей Запада, сбивает их с толку. А значит, мешает занять четкую позицию (хотя бы для себя лично) и в понимании того, где возродились сегодняшние ледяные ветры в международной политике, кто конкретно за это в ответе. Кому такая путаница выгодна, дело ясное. Нам ясное.

Пытаясь искусственно пересадить на советскую почву негативные стороны своей жизни, своей системы, американский империализм хотел бы защититься и оправдаться. Не мы, мол, одни в ответе за гонку вооружений и «холодную войну». И это, как я уже писал, приносит им пока что кое-какой пропагандистский урожай.

Тем не менее антивоенные настроения в самих Соединенных Штатах постепенно набирают силу. В пользу немедленных переговоров США с Советским Союзом по всему комплексу взаимосвязанных вопросов о немилитаризации космоса, сокращении стратегических ядерных вооружений и ядерных средств средней дальности не так давно выступили премьер-министр Англии М. Тэтчер, премьер-министр Швеции У. Пальме, правительство Канады. И как бы осторожно ни были сформулированы их призывы, уже сами по себе они означают критику «жесткого курса» вашингтонской администрации. Даже «Би-би-си» — официальное британское радиовещание — характеризует политику Рейгана как «странную комбинацию дружественных слов и наращивания военной мощи». Похоже, миролюбивым словесам рейгановской администрации, до тех пор пока они не будут подкреплены конкретными успехами на советско-американских переговорах, не очень-то склонны верить даже в правящих кругах государств — союзников США по НАТО.

А таких успехов на этих переговорах пока, к сожалению, нет. И отнюдь не по нашей вине. В недавнем выступлении по американскому телевидению специалист по анализу отношений с Советским Союзом Д. Саймс сказал: «История переговоров о контроле над вооружениями — это история того, как умеренные сдерживают победы в отношении процедуры, что позволяет продолжать переговоры,

эффективно используя этот факт для обработки общественного мнения и западноевропейцев. А сторонникам жесткой линии обычно удается определять суть предложений Соединенных Штатов и обеспечить, чтобы об этих предложениях нельзя было договориться с Советским Союзом. Такое положение пока не изменилось (разрядка моя.—М. С.).

Так что, как видим, борьба продолжается...

* * *

Вот и подошло к концу наше путешествие, читатель. Мы живем в очень непростое и тревожное время. Мы не ищем и никогда не искали военного соперничества. И, хоть это и не наш выбор, приходится быть начеку. Об этом наша партия и правительство говорят прямо и откровенно.

Но нашу решимость отстоять мир, отвести угрозу ядерной катастрофы никто не поколеблет. Мир и социализм — понятия неразделимые. Ведь наше время отличается тем, что на авансцену истории выходят, как никогда прежде, народы. Их голоса никому не заглушить. Свою цель мы видим в том, чтобы вместе с другими, включая Америку, решать наиболее важные проблемы: как не допустить войны, как остановить гонку вооружений и перейти к разоружению, как урегулировать существующие и предотвратить потенциальные конфликты и кризисы, создать в мире обстановку, которая позволила бы каждой стране сосредоточить внимание и ресурсы на решении собственных проблем.

Советский народ вместе со своей Коммунистической партией делает все от него зависящее, чтобы так оно и случилось.

Да, бдительность и неустанная борьба за мир, за мирное урегулирование.

Михаил Рачьянович САГАТЕЛЯН
ПУТЕШЕСТВИЕ В ИМПЕРИАЛИЗМ

Редактор Д. К. И в а н о в

Технический редактор О. Н. Л а с т о ч к и н а

Сдано в набор 05.05.85. Подписано к печати 08.07.85. А 04591. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,13. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 85 000 экз. Изд. № 1644. Зак. № 752. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография издательства ЦК КПСС «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Договоры смешанного страхования жизни могут заключить граждане в возрасте от 16 до 70 лет.

● Заключив договор, страхователь обеспечивает себе накопление и получение через 5, 10, 15 или 20 лет в зависимости от срока страхования определенной денежной суммы.

● Кроме того, страхователю выплачивается частично или полностью страховая сумма за утрату им общей трудоспособности, наступившую в результате несчастного случая, происшедшего на производстве или в быту.

● Ежемесячные страховые взносы можно уплачивать путем безналичных расчетов через бухгалтерию по месту работы, перечислением со счета в сберегательной кассе, наличными деньгами страховому агенту, а также по специальной расчетной книжке в сберегательной кассе или почтовым переводом.

Уважаемые товарищи!

● Для заключения договора обращайтесь, пожалуйста, к страховому агенту, который обслуживает вас по месту работы или жительства, а также в инспекцию Госстраха.

Госстрах РСФСР